

Людмила Зарецкая
Мой любимый сфинкс
Серия «Хозяйка своей судьбы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17192799
Мой любимый сфинкс : [роман] / Людмила Зарецкая: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-85972-6

Аннотация

Аудитор Злата Добровольская поддалась на уговоры подруги поехать на недельку на элитную охотничью базу. Вообще-то попасть в это престижное место не так-то просто. Подругу туда пригласил любовник, известный кардиохирург. Среди других гостей крупные чиновники, депутаты, банкиры и другие влиятельные личности. Через несколько дней после приезда группы в роскошное лесохозяйство происходит убийство егеря. За расследование параллельно с профессионалами берется сам хозяин базы Александр Аржанов, а также начитавшаяся детективов Злата. Она всюду сует свой нос, очень многое замечает, становится невольной свидетельницей странных сцен и разговоров, так что вскоре Аржанов начинает советоваться с ней и прислушиваться к ее мнению. Вместе они приходят к выводу, что едва ли не у каждого нынешнего гостя базы была своя причина недолюбливать егеря. После того как неизвестный совершает попытку убить саму Злату, Аржанов не отпускает ее от себя, даже ночует у нее в номере, на медвежьей шкуре, брошенной на пол...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Людмила Зарецкая

Мой любимый сфинкс

*С уважением большому политику и удивительному человеку
Вячеславу Позгалеву,
открывшему мне неведомый до этого мир охоты*

Все герои и события вымышлены, любые совпадения случайны.

Глава 1

Отблески тайны

*Женщина не может расцвести на пустом месте.
Должен найтись садовник.*

Эвелина Хромченко

Выстрел был негромким. Непривычно негромким для разгара охотничьего сезона. Егеря зафиксировали его с некоторым удивлением, но не придали услышанному особого значения. Мало ли что навезли с собой на охоту очередные богатенькие постояльцы... Чем бы ни тешились, лишь бы не плакали.

Необычный выстрел встревожил только одного человека. Он вообще не любил ничего необычного. В этом таилась угроза привычному миру, который он старательно строил для себя долгие годы. Возводил стены. Укреплял защитные сооружения. Создавал свою крепость, которая в общем-то не могла пасть от одиночного выстрела. Тем не менее с непорядком следовало разобраться, поэтому человек, неслышно ступая по моховому ковру леса, двинулся в сторону, откуда прозвучал выстрел.

Не столько ожидая, сколько предугадывая его появление, стрелявший неспешно двинулся в глубь лесной чащи. Уходить далеко не было необходимости. Минут через пять, максимум через десять он вполне мог появиться здесь снова, якобы привлеченный звуком голосов. В том, что голоса будут, он не сомневался. Как только найдут тело, сюда примчатся практически все.

Времени как раз хватит, чтобы выбросить оружие. Понятно, что, когда начнется кипиш, его обязательно найдут. Но это не страшно. Все равно никто никогда не свяжет это оружие с ним. Так же как и человека, оставленного сейчас на поляне в луже собственной крови. Это невозможно. Совершенно невозможно. Так же невозможно, как подумать, что он мог стать убийцей. Он бы сам не поверил. И другие не поверят. Никогда.

Никогда больше не будет так, как раньше. Но после того, как он уничтожил виноватого в произошедшем негодяя, ему станет легче с этим смириться.

Темная длинная цепочка, с холодным достоинством текущая по пальцам. Тяжелый кулон, наверное старинный. Клипсы из крупных камней, в которых преломляется свет, купая комнату в отблесках тайны. Жемчужные бусы, когда-то знакомые с жизнью океана. Кольца, кольца, кольца. С рубинами, с изумрудами, с бриллиантами. Снова жемчуг, розовый, нежный. Еще один старинный кулон, витой, запутанный, как чья-то судьба.

Маленькая девочка, затаив дыхание, держит в руках большую шкатулку. Пусть всего на пару часов, но она – владелица всех этих сокровищ. Девочка примеряет бусы, вплетает в волосы цепочку, поднимает вверх растопыренные пальцы, чтобы не спадали чудесные кольца. Она – красавица. Она – волшебница. Она – королева. И у ее ног все рыцари и принцы земли.

Девочка любовно перебирает содержимое шкатулки, которую дает ей хозяйка дома. Дает каждый раз, когда девочку берут с собой в гости. Это очень удобно, когда ребенок на пару часов погружается в совершенно особый мир, не мешая взрослым.

В этом мире балы и пиры. Королевская охота и дуэли. Диадемы и таинственные подвески. Рубины, изумруды и бриллианты – разноцветные проявления Любви. Завитки платины, запутанные, как чья-то судьба.

Девочка, затаив дыхание, перебирает сокровища, лежащие в старой шкатулке. Она знает, что когда-то они принадлежали неведомой ей, но очень красивой и знаменитой столичной актрисе, сгинувшей в лихие сороковые годы.

Темная цепочка из стали. Тяжелый кулон из мельхиора. Клипсы темного чешского стекла. Венецианского в стране не будет еще лет пятьдесят. Жемчужные бусы из крупных кружочков пластмассы. Кольца, кольца, кольца. С разноцветными стекляшками, в железной оправе. Снова искусственный жемчуг, потрескавшийся от времени. Еще один кулон, завитки которого никогда не станут чьей-то судьбой.

Реквизит. Бижутерия. Дополнения к костюмам, в которых Актриса выходила на сцену в мире, где нет балов и пиров. Королевской охоты и дуэлей. И проявлений любви тоже нет. Ни разноцветных, ни черно-белых. Но маленькая девочка этого еще не знает.

Пройдет много лет, и она поймет, что многие сокровища в шкатулке жизни – всего лишь реквизит, который совсем не жаль на пару часов отдать в чужие руки. Поиграть. Помечтать. И снова сунуть на полку, не боясь сломать завитки судьбы.

Но это будет через много лет. А пока маленькая девочка, затаив дыхание, держит в руках большую шкатулку, перебирает доставшиеся ей сокровища. Темную длинную цепочку, с холодным достоинством текущую по пальцам. Тяжелый кулон, наверное старинный. Клипсы из крупных камней, в которых преломляется свет, купая комнату в отблесках тайны. Жемчужные бусы, когда-то знакомые с жизнью океана. Кольца, кольца, кольца. С рубинами, с изумрудами, с бриллиантами. Снова жемчуг, розовый, нежный. Еще один старинный кулон, витой, запутанный, как чья-то судьба.

Понедельник

Она проснулась с ощущением счастья. Счастье было острым и сладким одновременно, как венгерский яблоковидный перец в банках, который в детстве она могла лопать не останавливаясь, несмотря на мамины испуганные сетования, что дочка испортит желудок.

Уже при виде доставаемой из холодильника под окном банки у нее начинали течь слюнки.

Надкусывая круглый, невиданный доселе маринованный овощ, она зажмуривалась от наслаждения, так ей было вкусно. Выпивая из надкушенного перца острую и сладкую жидкость, она липкими пальцами аккуратно переворачивала книжные страницы. Читать и есть вкуснятину – это было счастье. Оставшееся там, в детстве. Почему-то во взрослом возрасте погрузиться в ту же самую нирвану у нее никак не получалось, хотя она старательно пыталась читать за едой. Мокрые следы на книжных страницах оставались, а ощущение всепоглощающего счастья никак не наступало.

И вот сейчас оно пришло во сне. Лежа под прохладной простыней, она старательно пыталась вспомнить, что именно ей снилось. Не перец же. Но мысли ускользали, смутные образы расплывались, окончательно теряли очертания, оставались за той гранью сна и яви, которую она уже преодолела. Просыпаться, не узнав, что же такое хорошее с ней приключилось, не хотелось. Она настойчиво жмурилась, надеясь снова вернуться к приятному и непонятному сновидению, но солнечный зайчик, проникший через неплотно закрытую штору, настойчиво щекотал ей нос. Злата чихнула и распахнула глаза.

Солнечная комната, в которой она спала, была абсолютно незнакомой. В первый момент Злата даже немного испугалась оттого, что не понимает, где находится. Тряхнув головой, она отогнала наваждение. Ну, конечно, она на охотничьей заимке, если эту роскошную базу с территорией почти в сотню гектаров можно так назвать. Просто они приехали вчера в полночь, шел дождь, а потому все вокруг казалось невыспавшейся из-за раннего отъезда из дома Злате мрачным и угрюмым. Чучела животных, обильно украшающих холл

здания, где их поселили, ее напугали. Медведь с оскаленной пастью, волк с обнаженными клыками, многочисленные лисы, зайцы, совы и куропатки под потолком напомнили зал краеведческого музея, в который она в детстве (да что ее в детство#то тянет) во время обязательных школьных экскурсий ходила с тягостным чувством.

Столовая с высокими стульями и массивным дубовым столом выглядела помпезной и неуютной. Уставшей и изрядно укачавшейся за семьсот километров пути Злате есть не хотелось, однако большая компания, в которую она попала совершенно случайно, шумно угнездилась за столом, поглощая тушеную оленину, котлеты из кабанятины и жаркое из медвежатины. Вспоминая оскаленные фигуры в холле, Злата чувствовала тошноту и мечтала подняться в свою спальню на втором этаже. Правда, забрасывая туда сумку и переодеваясь к ужину, она успела заметить шкуру медведя на полу у кровати и внутренне поежилась.

Больше всего на свете она жалела, что поддалась на уговоры своей лучшей подружки Светки и дала себя втянуть в эту авантюру. А как еще можно было назвать двухнедельную поездку на охотничью базу, затерянную в архангельской глуши, в семистах километрах от родного дома?

– Златик, солнышко, но войди ты в мое положение, – нудела Светка, преданно заглядывая ей в глаза. – Меня Котик пригласил с ним поехать. Ты же знаешь, как давно я мечтала провести с ним отпуск. А компания – чисто мужская. Я среди них за две недели с ума сойду от этих охотничьих разговоров про выстрелы и трофеи. Они на вышку или на лабаз залезут, а я что одна буду делать? Мне и Котик сказал: возьми с собой подружку, чтобы не скучать. Поехали, а? У тебя же все равно отпуск.

Отпуск у Златы, конечно, был. В их структуре никого не спрашивали, когда кто в него собирается. Распределяли сами. В прошлом году Злата, к примеру, догуливала отпуск в ноябре, так что три недели, неожиданно выпавшие ей в июле, могли сойти только за очень большое везение.

Так оно, конечно, и было. Но вот только воспользоваться этим самым везением на полную катушку Злата никак не могла. За месяц до внезапно образовавшегося отпуска она одолжила все отложенные на отпуск деньги другой своей подруге. Срок возврата долга истекал в конце августа, и Злата собиралась купить какой-нибудь горящий тур и в сентябре уехать недельки на две на море – в Грецию или, если уж совсем сказочно повезет, в Италию. И тут начальство неожиданно сообщило, что отпуск у нее прямо сейчас.

Подруга, которой она робко заикнулась про деньги, отреагировала бурно:

– Ты ж меня без ножа режешь! Я ж рассчитывала на конец лета. Мне сейчас денег для тебя взять вообще нигде. Это же форс-мажор.

То, что у самой Златы ситуация тоже оказалась форс-мажорная, у подружки в голове никак не укладывалось. В общем, отпуск накрывался медным тазом, перспектива провести две недели в душном раскаленном городе не казалась Злате привлекательной, поэтому предложение Светки Медведевой она восприняла с гораздо меньшим скепсисом, чем могла бы.

Неделя на свежем воздухе, среди лесов и полей, на благоустроенной базе со всеми удобствами и достижениями цивилизации, включая спутниковое телевидение и Интернет, да еще абсолютно бесплатно (все расходы брал на себя неизвестный Злате Котик) выглядела весьма привлекательно. В конце концов, ходить на охоту и бить зверя совсем не обязательно. А беседы со скучающей Светкой никогда не были Злате в тягость. Подружку она любила, тем более что та обладала легким, смешливым характером, никогда не обижалась по пустякам и рассказывала интересные и увлекательные истории из жизни областной газеты «Курьер», где трудилась начальником рекламного отдела.

Влюбчивая подружка все время влипала в романы, из которых потом тягостно и долго вылезала, не теряя при этом оптимизма и надежд на счастливое замужество. Вот и сейчас интрижка с главным кардиохирургом областной клинической больницы Константином Зава-

риным находилась так же высоко в зените, как июльское солнце. Конечно, возможность две недели провести рядом с объектом своей страсти, вдали от его жены и детей, да еще в таком романтическом месте, была для Светки пределом мечтаний.

– Лучше бы он тебя на море свозил, – заявила Злата, оставшаяся в этом году без моря. Но Светка замахала руками.

– Да бог с тобой, на море кучу знакомых можно встретить, а тут вероятностей попасться ноль. Для жены он на охоте, причем, коню понятно, что в чисто мужской компании. Мужики его не сдадут. Так что всем удобно и выгодно. Ночью он со мной в постельке балуется, днем на охоту или рыбалку ходит, а мы с тобой загораем, телик смотрим, в общем, отдыхаем культурно. Кстати, официально нас с тобой в одном номере поселят, но я, естественно, к Котику перееду, так что номер останется в полном твоём распоряжении. Что море? Купаться и в реке можно. Там знаешь речка какая классная! Чистая-чистая, мне Котик рассказывал.

В общем, Злата позволила себя уговорить, о чем вчера вечером страшно сожалела. Злиться на себя она умела со вкусом, поэтому, около двух часов ночи наконец-то покинув мрачную столовую с уже хорошо набравшимися друзьями Котика и закрыв за собой дверь гостевой спальни, она всю себя предалась этому увлекательному занятию.

В душе (цивилизованном настолько, что Злата долго не могла понять, как открываются никелированные, похожие на устройства в космическом аппарате краны) она даже поплакала немножко, так ей стало жалко себя, неудачливую, заброшенную в какую-то глушь. Предстоящие семь дней представлялись ей серыми, тоскливыми, однообразными и унылыми, как дождь за окном.

«Совсем станет неспособна, уеду, – решила Злата, вытирая глаза краем пододеяльника с вышитым медведем – гербом данного заведения. – В конце концов, до поселка меня кто-нибудь наверняка отвезет. А оттуда доберусь сначала до райцентра, потом на автобусе до областной столицы, а там – поездом домой. Не бывает безвыходных положений».

С этой позитивной мыслью она уснула, чтобы проснуться с ощущением непонятно откуда взявшегося счастья. Судя по солнечному зайчику, дождя за окном не осталось и в помине. Поднявшись с кровати и старательно обогнув по периметру медвежьей шкуру, чтобы, не дай бог, на нее не наступить, Злата подошла к окну.

Откинув шторы, она не поверила собственным глазам. Прямо под окном текла прозрачная, гладкая как зеркало река. Для Златы, родившейся и выросшей на Волге, река не была невообразимым чудом, но эта выглядела как-то по-особенному.

Речная гладь была похожа на зеркало. Причем дорогое и старинное – с серебряной амальгамой. Такое зеркало висело в квартире подруги бабушки, и маленькая Злата любила в него смотреть. Не на себя, к своему отражению она с самого детства относилась спокойно. Ей казалось, что с той стороны волшебного зеркала живут сказочные существа, похожие на эльфов, и она, затаив дыхание, ждала, что кто-нибудь из них вдруг появится на поверхности.

– Фантазерка, – бурчала бабушка, застав ее у зеркала, – марш в комнату. Сейчас Фрида Яковлевна чай принесет с вареньем из фейхоа.

Чай с фейхоовым (или как там будет правильно) вареньем был таким же обязательным атрибутом похода в гости к Фриде Яковлевне, как и зеркало. Маленькая Злата ходила вместе с бабушкой, потому что не любила оставаться дома одна. А потом, спустя годы, провожала бабушку к любимой подруге, потому что самостоятельно ей уже было трудно добираться на другой конец города. И все эти годы не тускнела амальгама старинного зеркала и не переводилось в доме варенье из фейхоа.

– Бабуль, а где она его берет? – как-то любопытствовала Злата. – Я никогда в жизни фейхоа в продаже не видела.

– Племянник присылает. Из Санрана, городок такой недалеко от Баку. Не ее племянник, Левушки. Но у них прекрасные отношения. Он даже внука своего собирается отправить к нам учиться в институте. В Азербайджане же все за деньги. А денег у них как раз и нет. А у нас образование хорошее. Да и есть кому за мальчиком присмотреть – и ему хорошо, и Фриде не так одиноко. А то она после смерти Левушки тоскует очень.

Племянника Злата помнила смутно. Он раз в несколько лет приезжал провести родственников, и по этому поводу всегда устраивался большой званый обед. Злата на нем, конечно, присутствовала всего пару раз, когда родители уезжали отдыхать и она полностью оставалась на попечении бабушки. И Левушкиного внука, действительно приехавшего учиться, а потом так и оставшегося в их городе, тоже видела, но особо не запомнила. Он ее совершенно не заинтересовал. В отличие от Левушки с Фридой, с самого детства вызывавших сильнейшее Златино любопытство. Уж больно колоритной парой они были.

* * *

Левушка, Лев Моисеевич Горский, был ровесником века. Двадцатого века, разумеется. А Фрида – его третьей по счету женой, на 20 лет моложе мужа.

В молодые годы сын сапожника Мойши Горского был отдан в ученики в одну из московских типографий. Постигал он там не только азы печатной профессии, но и науку революции: таскал шрифт для подпольных газет, тихонько носил за пазухой гранки, участвовал в ночной печати. Приходилось ему убегать от городского, пригибаясь под тяжестью газетных пачек, и даже живого Ленина однажды видеть довелось, хотя Злата никогда в эти рассказы до конца не верила.

В партию большевиков Лева Горский вступил еще до революции, в 1916 году, и был, как и положено, ее преданным сыном. Он любил вспоминать, что революция дала ему, еврейскому мальчику из бедной семьи, возможность получить высшее образование. На всю жизнь он остался верен выбранной специальности и, закончив полиграфический институт, вернулся в свою родную типографию, где медленно, но неуклонно пошел вверх по карьерной лестнице.

Женился Левушка тоже рано. Уж больно стреляла в него глазами соседская Ривка, уж очень сладко было любиться с ней на чердаке родного дома, где в подвале орудовал дратвой его отец. А уж когда живот у Ривки, что называется, полез на нос, пришлось прикрывать грех браком. Левушка до самой смерти вспоминал, как всю свадьбу простоял, не в силах присесть – порот был отцом за грех беспощадно, несмотря на партбилет.

Через четыре месяца после свадьбы Ривка родила Левушке сына Мишу. На дворе стоял 1921 год.

А в тридцать третьем главный инженер крупной московской типографии, коммунист с дореволюционным стажем, верный муж и отец Лев Горский, что называется, пропал. Пороть за новую любовь его было уже некому – Мойша Горский к тому времени уже пять лет лежал, завернутый в саван по обычаям предков, в сырой земле. И знал Лев Моисеевич, что ничем хорошим не кончится охватившее его любовное безумие, да сделать ничего не мог. Шел, как овца на заклание, как бык на веревочке, прыгал как цирковой тигр в горящее кольцо, да и вообще вытворял любые фокусы, лишь бы только заслужить благосклонность Веры. Верочки. Верушки. Верунчика. Невозможной, безумной, горячечной своей любви.

Как бы ни казалось это странным, в первую очередь самому Льву, одна из первых красавиц Москвы, дочь известного адвоката, ответила на его чувства и стала его второй женой. С чувством глубокой вины, но и с непреклонной решимостью уходил он из дома, где на пороге в позе неизбывного горя стояла Ривка.

Наперерез уходящему отцу кинулся двенадцатилетний Миша с недетским совсем криком: «Папочка, не уходи!» Но ведомый чужой путеводной звездой Лев Моисеевич сделал то, о чем потом не мог вспоминать без содрогания, – перешагнул через лежащего на полу сына и ушел, убежал постыдно в новую, яркую, прекрасную жизнь.

– За это и поплатился, – с горечью говорил он на излете жизни, усмехаясь безвольным старческим ртом.

Расплачиваться пришлось в тридцать седьмом. Когда в Веру, звезду всех великосветских московских приемов, влюбился полковник НКВД. Неминуемость своего скорого ареста Горский чувствовал спинным мозгом и все равно оказался не готов к ночному черному «воронку», а главное – к тому, что было потом: к ночным пыткам светом в глаза, нескончаемым побоям, облыжным обвинениям в изготовлении вражеских листовок, своей подписи под согласием в том, что да, виноват. А главное – к тому, как быстро отказалась от него Вера. Развелась с врагом народа, публично отреклась и утешилась в объятиях того самого полковника.

– Вы никогда ее больше не видели? – затаив дыхание, спросила Злата, когда Горский как-то стал рассказывать эту историю. Они были в двухкомнатной, аккуратно прибранной и светлой квартире Левушки и Фриды вдвоем. Фрида Яковлевна отдыхала в санатории, а Льва Моисеевича внезапно разбил жестокий радикулит. Он даже за стаканом воды встать не мог, и бабушка приходила его кормить и развлекать. В тот день ей срочно понадобилось на работу, поэтому в сиделки откомандировали двенадцатилетнюю Злату.

– Не видел. Ее судьба тоже была печальной. Ее полковника перед самой войной расстреляли, а Веру арестовали. Из лагеря она так и не вышла. В отличие от меня. Умерла от туберкулеза в сорок третьем году. Правда, весточку от нее я все-таки получил. Когда из лагеря вышел, в пятьдесят третьем, в Москве мне жить нельзя было, поэтому я подумал-подумал и по приглашению своего друга по лагерю приехал в наш город. Здесь и остался. Но по дороге все-таки заехал на два дня в Москву. Очень хотелось узнать, что с моими родными стало.

Ривка уже к тому времени тоже умерла, а Мишку я нашел. Он, конечно, холодно со мной поговорил тогда, на порог не пустил. Уж за тридцать парню было, а плакал как ребенок, когда говорил, что я Ривкину жизнь разрушил и что я в ее болезни и смерти виноват. Это уж потом я с ним помирился, годы спустя. Он меня сам нашел, в семьдесят пятом году. Приехал, сказал: кто старое помянет, папа, тому глаз вон. А то, что мы жили все эти годы вдали друг от друга, – плохо это.

Михаила Львовича Горского Злата, конечно, знала. Раз в год он приезжал к Льву Моисеевичу в гости и был похож на него как две капли воды, только на двадцать лет моложе. Злату он не интересовал нисколько.

– А весточка от Веры? – напомнила она.

– А, ну да. Мишка, перед тем как меня фактически выгнать, сказал, что незадолго до ареста Вера к ним приходила. Сказала, что хочет избыть свою вину, что меня из семьи увела, и отдала ящичек, в котором и письмо для меня лежало.

– Какой ящичек? – Злата просто изнемогала от любопытства.

– Да шкатулку. Ты ее знаешь. А в ней вещи Верины и письмо. Писала она, что виновата, и перед семьей моей, и передо мной тоже. Что бог ее за это уже покарал и еще покарает. И что она оставляет эту шкатулку моей первой жене и сыну. Ривка – женщина добрая была, выгнать ее не смогла и шкатулку до своей смерти хранила, строго Мишке наказав самому в ней ничего не трогать, а мне отдать. Мол, им чужого не надо. Вот такая память у меня от Веры осталась. Письмо да шкатулка. И больше ничего.

– А с Фридой Яковлевной вы как познакомились?

– Да так и познакомились. Оба уже немолодые. Оба одинокие. Вот и коротаем век вместе. – Левушка неловко повернулся, и его лицо исказила гримаса боли. – Принеси-ка мне перцовый пластырь, детка. Воспоминания на потом оставим. Мочи нет, как болит.

Историю женитьбы Горского на Фриде любопытной Злате рассказала уже бабушка. В пятьдесят третьем году Лев Моисеевич приехал в город и устроился работать в типографию. Сначала простым инженером, конечно. Но специалистом он был прекрасным и потихоньку начал подниматься по карьерной лестнице, после хрущевской оттепели дослужившись даже до поста директора. Впрочем, было это в шестьдесят первом году, а в пятьдесят пятом немолодой холостяк познакомился со своей будущей третьей женой.

Фрида Яковлевна Бехтер работала врачом на «Скорой помощи». Несмотря на оставшееся за плечами тридцатипятилетие, замужем никогда не была и жила вместе с мамой. Лев Моисеевич стал для нее «последним шансом». Она приобретала статус замужней женщины, он – надежную, верную жену, хранительницу домашнего очага, умело наладившую его холостяцкий быт. Думать о детях Фриде уже было поздно, да и Левушка никаких детей категорически не хотел. Так и жили, коротая свой век. И даже сумели отметить рубиновую свадьбу, проведя бок о бок, пусть и без страсти, но с глубоким уважением, сорок с лишним лет.

Горский дожил до своего девяностопятилетнего юбилея и скончался во сне через неделю. Фрида Яковлевна пережила мужа на пятнадцать лет, тоже уйдя в мир иной в весьма почтенном возрасте. Незадолго до смерти она сказала Злате:

– Ты еще молодая, Златушка. Так что муж для тебя обязательно найдется. Я вон сколько в девках ходила, а сорок лет в счастливом браке прожила. И скажу я тебе, девочка моя: даже если за три дня до смерти замуж выйдешь, наживешься, во, – и характерным жестом провела рукой по горлу.

Ее правоту жизнь пока не подтвердила, но и не опровергла. Злата, которая уже перешагнула тридцатилетний рубеж, по-прежнему была одна. Правда, ее это обстоятельство совершенно не угнетало. Она знала, что обязательно будет счастлива. А когда именно, не имело значения.

Сегодняшнее утро пахло счастьем и было терпким на вкус. Гладкая зеркальная речка манила искупаться, и, быстро натянув купальник, а сверху – найденный в стенном шкафу огромный банный халат, Злата аккуратно притворила дверь номера (почему-то снаружи двери здесь не запирались на ключ) и, напевая под нос что-то веселое, сбежала по лестнице вниз.

Чувства, мысли, эмоции, воспоминания имеют запах.

Детство пахнет хвоей и мандаринами, ведь самое главное счастливое воспоминание этой поры – Новый год с обязательной елкой, сладкими подарками под ней и легким замираньем сердца: положен ли в этот подарок мандарин? Нынешним детям не понять.

Юность пахнет черемухой, сиренью и тем неповторимым ароматом белых ночей, который создан смесью свежей горечи клейких тополиных почек с чуть сладковатыми нотами березовых листьев. Запах первых свиданий и первых поцелуев.

Забора пахнет сушеными белыми грибами. Пузатый полотняный мешочек, специально сшитый, чтобы грибы не сырели и не плесневели, отстиран добела, накрахмален и выглажен. Грибы собирал папа, чистила и сушила мама, и каждый раз при открывании кухонного шкафчика чувствуется этот аромат, напоминающий о том, что есть место, где тебя любят, где о тебе заботятся, и так будет всегда, пока живы родители.

Запах тушеной капусты и клецок навеивает воспоминания об узких улочках Праги, с их колоритной неповторимостью. Прага – город счастья для всех, кому довелось там побывать.

Смесь оливок, домашнего сыра, зеленой травы, горячего солнца и соленых морских брызг – это поездка в Средиземноморье, где можно бездумно шлепать по белому песку пляжа, купить на обед огромного лангуста или тарелку только что выловленных креветок, улыбнуться морю на закате, чтобы утром, войдя в его еще прохладную и абсолютно прозрачную зыбь, сказать тихонько, шепотом: «Здравствуй, море».

Сбивающая с ног смесь пожизненной ответственности, дикого страха, огромной любви и всепоглощающей нежности пахнет детской присыпкой.

Преданность – мокрой псиной, только что отряхнувшейся на вымытом полу от дождя или снега.

Беда пахнет валокордином, горе – адской смесью больничных ароматов, а еще церковным ладаном.

Острое мимолетное счастье ассоциируется с ароматом роз, томная нега – с хмельным запахом пива, выплеснутого на раскаленные камни в натопленной бане.

Запах брошенного в лужу карбамида, не до конца завернутого крана на газовой плите, запах гари или пыли, прибитой к земле первыми каплями грозы, вызывают у нас стойкие ассоциации с конкретными моментами нашей жизни. Счастливыми и грустными. Которые будут повторяться, пока мы живы. Ведь все это – запахи жизни.

Глава 2

Наши руки – не для скуки

Жить – это как бежать по музею. И только потом вы начинаете по-настоящему осознавать, что вы увидели, думать об этом, наводить справки в книгах и вспоминать – поскольку вы не можете принять это все и сразу.

Одри Хепберн

Аржанов проснулся от острого чувства тревоги. И мимолетно удивился: тревоге было взяться абсолютно неоткуда. Он давно уже исключил из своей жизни то, из-за чего можно было тревожиться. Лесозаготовительные предприятия, раскиданные по всей необъятной области и еще двум соседним, работали стабильно и как-то даже весело. Пять крупных лесопилок так же весело производили пиломатериалы, заготовки, шпалы и обапол, плюс технологическую щепу.

Вся эта продукция пользовалась неизменным спросом. А для использования щепы Аржанов недавно построил в двух районах котельные, которые работали именно на этом материале, экологически чистом и дающем большой выход теплоэнергии. В общем, щепа уходила вся, без остатка.

Его мясокомбинат производил натуральную колбасу, молокозавод – рассыпчатый творог и не порошковую сметану, молоко для них поставляли из взятых на поруки загнущихся колхозов, которые, после того как за дело принялся Аржанов, стали вдруг современными процветающими сельхозпредприятиями, на которых все было организовано так же, как, скажем, в Швеции или Финляндии.

Три охотхозяйства, раскиданные по бескрайним просторам родины, тоже процветали. Плодился зверь, приезжали и уезжали довольные, а главное, благодарные охотники. И результатом их благодарности становились новые обширные связи на самом высоком уровне, вплоть до Администрации президента. Потому что и там ведь люди работают. И ничто человеческое им не чуждо.

Как-то внезапно повелось, а потом закрепилось, да так и осталось, что именно на базах Аржанова решались многие важные политические вопросы, совершались сделки, достигались договоренности и консенсусы. Две базы, конечно, были попроще. На них вершились судьбы в областном масштабе, пусть даже трех соседних областей. А вот «Медвежий угол» был базой элитной, не для всех. Попасть сюда для местной элиты считалось крайне престижным. Чем-то вроде входного билета в круг избранных.

В учредителях, помимо самого Аржанова, значились два очень солидных олигарха. Территория более ста гектаров требовала неусыпного хозяйского пригляда. Но хозяином Аржанов был от бога, на самотек ничего не пускал, егерей набирал только самых лучших и опытных, платил им без жадности, драл за малейшую провинность – в общем, начальником слыл суровым, но справедливым. Егеря работали не за страх, а за совесть, зная, что случайную ошибку их заставят исправить, но за нее простят, а вот за пьянство, даже случайное, увольят без промедления и с «волчьим билетом».

Пьянства Аржанов не терпел. С детства не было для него ничего более ненавистного, чем жалкий в своей бессмысленности взгляд пьяного отца. Он знал, что после первой бутылки самогона бессмысленность эта превратится в холодную агрессию, а на исходе второй – в неукротимую злобу, и внимательно следил за признаками того, как отец переходит с одной стадии опьянения на другую. Следил сначала для того, чтобы вовремя спрятаться, а став чуть постарше – для того, чтобы успеть защитить мать.

За всю свою взрослую жизнь он сам ни разу не поднял руку на женщину. Это было табу, ввевшееся в плоть и кровь. Контролировать свои чувства – это правило он тоже неукоснительно соблюдал, несмотря на любые внешние обстоятельства. Все окружающие безмерно уважали его нестигаемую волю и самоконтроль, и только он сам знал, какие демоны резвятся в его душе, какие страсти бушуют и сколько сил уходит на то, чтобы внешне казаться невозмутимым. Как сфинкс.

Его так и звали. Сфинкс. За глаза, разумеется. Человеком он был немногословным, предпочитал не говорить, а действовать. И одного взгляда его внимательных серых глаз обычно хватало, чтобы заставить заткнуться и убраться восвояси любого дебошира или просто желающего покачать права. Правда, в последнее время таких желающих находилось все меньше.

Спорить с ним было невозможно. Жена Маша усвоила это довольно быстро. Он не повышал голос в ответ на споры, просто поднимал глаза, в безмятежных озерах которых плескались смертоносные глубины, и после того как Маша сбивалась со своей горячей речи и начинала мямлить, терпеливо ждал, пока она замолчит совсем. После чего кратко резюмировал свою позицию. То есть приказ, обязательный для выполнения. Иначе не было ни разу.

Деревенский мальчик, он был теперь баснословно, неприлично богат. В наличии имелась неременная недвижимость в столицах-заграницах, собственная яхта, как правило стоящая на приколе в Италии, и даже небольшой собственный самолет. Но жить в последнее время он предпочитал в «Медвежьем углу». Во#первых, потому, что дела чаще всего требовали его присутствия здесь, а во#вторых – потому, что, по большому счету, только здесь, среди полей и лесов, ему дышалось полной грудью.

Светским человеком ему стать так и не удалось. Скучно это было – во фраке или, прости господи, смокинге торчать дурак дураком посреди какого-то официального приема, на котором даже поговорить-то по-человечески было совершенно невозможно из-за неумолкающего шума и какого-то морока, что ли, который всегда нападал на него во время таких мероприятий.

А вот на охотничьей базе разговаривать можно было о чем угодно. И эти разговоры, а точнее, саму возможность неспешно их вести он считал самым главным делом своей жизни.

Часы показывали шесть утра, несмотря на то что вчерашние посиделки закончились лишь около трех ночи. Вставать рано – в этом тоже сказывалась деревенская, ввевшаяся с детства привычка. Тогда доить корову и обрывать свиней он вставал в пять-полшестого, а с годами смог силой воли приучить себя спать подольше, но все равно просыпался не позднее шести. Во сколько бы ни лег накануне.

Поднявшись с кровати, он поздоровался с лежащей на полу медвежьей шкурой, была у него такая немного смешная привычка, и распахнул шторы. Солнечное июльское утро рванулось навстречу. И под его радостным напором непонятно откуда взявшаяся тревога схлынула, освободив место повседневным заботам, обычным, вполне предсказуемым и совсем не страшным.

* * *

Настроение у Санька с самого утра было хуже некуда. Во#первых, понаехавшая вчера шобла однозначно указывала на то, что работы в ближайшее время будет невпроворот. Ее, конечно, мало никогда не было. Зверя нужно было кормить. Больных животных отстреливать. Туши освежевывать. Лошадей, на которых егеря объезжали огромное хозяйство, чистить. Мотоциклы заправлять. Но при очередном заезде гостей, как на подбор глад-

ких, упитанных, с лоснящимися мордами хозяев жизни, ему всегда становилось невмоготу. Так невмоготу, что хоть бери ружье и иди устраивать революцию.

И выпить нельзя, чтобы снять напряжение. Вот ни рюмки нельзя. Когда он устраивался на работу, ребята предупредили, что запрет на это дело не для отвода глаз, а действительно строгий. Если хозяин запах учует – а он учует, даже если пригубить совсем чуть-чуть, – то все, кранты. Выкинет без выходного пособия, как щенка нашкодившего.

Хозяина Санек не то чтобы боялся – чего бояться-то здоровому мужику, не пацаненок, чай, – но сердить его не хотел. И потому, что другой работы не было. И потому, что хозяин был мужик серьезный, вызывающий уважение. И потому, что работа на самом деле Санька полностью устраивала. И бескрайними просторами. И мужским делом, которым, собственно говоря, являлась охота. И дружной компанией егерей, парней немногословных, но настоящих, без придури, среди которых Санек чувствовал себя своим.

Проще тут все было. В лесной глуши, затерянной за много верст от родного дома, с ее проблемами и бытовой неустроенностью. Здесь не нужно было ничему соответствовать. Носить душные костюмы, мечтать о часах стоимостью в семь зарплат, соотносить марку машины с собственным социальным статусом. Здесь нужны были футболки, свитера, «зеленка» и ботинки на толстой подошве. И характер. А больше ничего. Все это Саньку очень нравилось. Вот только очередной заезд тех самых, со статусом и часами, всегда портил настроение.

Тех, что приехали вчера, он еще не видел. Но не сомневался, что они – такие же, как и все остальные. Другие сюда не приезжали. База была этакой лакмусовой бумажкой, показателем благосостояния, мерилем успеха. Впрочем, по большому счету, Саньку не было до них никакого дела. Отвезти на вышку. Погнать кабана. Присмотреть, чтобы в подпитии гости не перестреляли друг друга, забрать туши. Вот и все. Невелика наука.

Справится. Не впервой. А что с души от них воротит, так его душа никому не интересна. Ему бы самому со своей душой разобраться. Наворотил он за прошлые годы – черт ногу сломит. И в глушь-то эту уехал, по большому счету, чтобы подвести черту под старой жизнью. Как начинать новую – он не знал, а работа егерем давала пусть временную, но передышку. Конечно, навсегда он себя на этой базе хоронить не собирается. Но пока он при работе, почти без проблем, на свежем воздухе и в тишине. Уже немало.

Посмотрев на водонепроницаемые командирские часы, когда-то давно, совсем в прошлой жизни подаренные отцом, Санек прикинул, что, пожалуй, до начала всех дел вполне успеет искупаться. Сдернув с веревки за быстровозводимым домиком, где жили егеря, полотенце, он вывел из-под навеса мотоцикл и покатил в сторону реки.

Величаявая река встретила его гладкой, без малейшей ряби поверхностью.

«Как зеркало», – подумал в общем-то не склонный к поэзии Санек и, невольно полюбовавшись на изгибы и излучины северной реки, скинул одежду и поплыл, противясь довольно сильному течению. Вода сразу смыла его плохое настроение. Предстоящий день стал казаться если уж не радостным, то вполне терпимым.

Выскочив из воды, он натянул на мокрое тело штаны, кое-как влез в футболку и нагнулся к кромке воды, чтобы прополоскать скинутые плавки. Вновь повернувшись к берегу, Санек нос к носу столкнулся с человеком, которого ожидал увидеть меньше всего. Делать на охотничьей базе в забытой богом глуши этому человеку было совершенно нечего. И встреча с ним не сулила Саньку ничего особо приятного.

Впрочем, человек этой встречи тоже явно не ожидал. Тихо охнув от неожиданности, он отступил на шаг и тихо спросил:

– Ты???? А ты что тут делаешь?

На завтрак Злата пришла в прекрасном настроении. Вода в реке не обманула ожиданий: поплавала она с удовольствием и в полном по причине довольно раннего утра одиночестве. Вернее, на другом конце огромного пляжа купался какой-то мужик, но Злата с ее плохим зрением его даже не разглядела. Мешать он ей точно не мешал, да и вылез из воды довольно быстро. Сама же она плавала минут двадцать. Несмотря на то что было еще совсем не жарко, вода напоминала парное молоко, так прогрелась за предыдущие дни, что даже вчерашний дождь ее не остудил. Представив, что в этой прекрасной реке можно будет купаться каждое утро, и день, и вечер, Злата даже зажмурилась от удовольствия. Моря, конечно, эта река не заменит. Но плавать все-таки можно вволю. Всю неделю. Если, конечно, погода не испортится.

Она переплыла реку туда и обратно и, утомившись, вылезла на берег. Кабинка для переодевания была довольно далеко, поэтому Злата решительно направилась в кусты, чтобы стянуть мокрый купальник и завернуться в банный халат, в котором спустилась к реке, чтобы не тащить с собой полотенце. Пушистая ткань приятно обернула мокрое тело, купальник целомудренно уместился в большом кармане, и, натянув на нос очки, лежащие в этом самом кармане раньше, Злата приготовилась вылезти из кустов на дорогу, ведущую к дому, то есть к главному корпусу базы, в котором они остановились.

По другую сторону кустов послышались чьи-то голоса. Не желая вмешиваться в чужую беседу, Злата остановилась, давая людям, не видным ей из-за веток, пройти мимо.

– Не вздумай проболтаться, – услышала она голос, в котором ей почудилась угроза. – Шеф знаешь какой? Уволит в два счета. Пикнуть не успею. И вообще, лучше нам делать вид, что мы с тобой не знакомы.

– Согласен. – Второй голос звучал с явной усмешкой. – Признаться, я не за тем ехал за тыщу верст от родного дома, чтобы встретить тут тебя. Гляжу, ничего не изменилось, все числишься в пролетариях умственного труда.

– Ну, не всех, как тебя, на природу тянет. Кому-то и головой на жизнь зарабатывать приходится.

– Смотри не надорвись. – Усмешка в голосе стала еще более явной.

Голоса стихли, и немного заинтригованная Злата выбралась на дорожку, где никого не было. Немного покрутив головой, она убедилась, что неизвестные собеседники словно сквозь землю провалились, и быстро пошла к дому, чувствуя, как разыгрался после купания аппетит.

В своем номере она приняла душ, в этот раз легко разобравшись с космическими краями, уложила феном волосы, натянула легкий льняной сарафанчик и тапочки без каблука и вприпрыжку сбегала вниз. Стоящие в холле чучела при солнечном свете выглядели совсем не так страшно, как ночью. Злата даже осмелилась потрогать за нос волка и слегка погладила жесткую медвежью шкуру. Шерсть непривычно колола пальцы.

Обойдя чучело, казавшееся огромным, Злата присела на корточки. Ей вдруг показалось ужасно важным найти ответ на вопрос, какой у медведя хвост. Прямо у нее над головой на лестничной площадке показалась Светка. Спускаясь вниз, она приглушенно, но довольно нервно говорила в прижатую к щеке телефонную трубку.

– Он не должен узнать. Ни в коем случае не должен. Если он узнает, то все пропало. Все мои полугодовые усилия псу под хвост. Этого нельзя допустить. Понимаешь? Все. Делай, как я сказала, и все будет хорошо. Я тебе еще позвоню. Пока.

– Привет, – поздоровалась вылезшая из-за медведя Злата, и перепуганная Светка чуть не выронила телефон.

– Добровольская, – воскликнула она, – тебя когда-нибудь учили, что людей пугать нельзя? С утра пораньше.

– Я не нарочно, – засмеялась Злата. – Как ночь прошла? По заранее намеченному плану?

– Да никак. – Светка недовольно сморщила нос. – Разве может удасться ночь, когда до полчетвертого мужик водку жрет? День за рулем, потом плотный ужин и водка. Да он еле до кровати дошел и, пока я в душе была, заснул мертвым сном. Выхожу я в пеньюаре кружевном, а в комнате храп стоит. Еле заснула.

– А сейчас Константин Алексеевич где?

– Господин Заварин с бодуна в плохом настроении пребывать изволят. Пошел в душ, мне велел его не ждать, а идти в столовую. Ты уже завтракала?

– Нет, только собираюсь.

– Ну и прекрасно. Пошли, пока мужики все не съели.

Видимо, голова с утра болела не у одного Котика. В столовой кроме Златы со Светкой сидел только один человек. Злата смутно помнила его по вчерашнему ужину. Высокий, плотный, с угрюмым лицом и нервными пальцами, он методично поглощал стоявшую перед ним яичницу из перепелиных яиц. Россыпь веселых маленьких желтков на тарелке придавала ей сходство с ромашковым полем. Как звали мужика, Злата не помнила. Она вообще с легким огорчением понимала, что не помнит практически никого из гостей базы, которых ей вчера вечером представляли. Долгая дорога вымотала ее совершенно, с самого детства Злату жестоко укачивало в машинах. Настроение у нее было плохое, она мечтала только о том, чтобы лечь в постель, поэтому никого не запомнила. О чем сейчас жалела. Оказываться в глупой ситуации Злата не любила.

– Вы будете кашу или яичницу?

– Что? – Злата оторвалась от своих дум и с удивлением посмотрела на маленькую, хрупкую, очень бледную женщину в черной юбке и белой блузке с накрахмаленным жабо.

– Вы на завтрак будете овсяную кашу, или вам яичницу пожарить?

Злата с сомнением посмотрела на накрытый стол. На нем было несколько видов сыра, разнообразная мясная нарезка, масло, джемы, мед, свежие хрустящие булочки, явно горячие круассаны, мюсли, кувшин с молоком, пакетики сливок и несколько графинов с соком. При виде всего этого изобилия у нее заурчало в животе.

– Н#н#не знаю, – призналась она. – Тут так много еды.

– Позавтракайте поплотнее, – услышала она и повернулась к двери, от которой послышался уверенный мужской голос.

«Хозяин, кажется, – мелькнуло у нее в голове. – Черт, как его зовут-то? Ну надо же, как неудобно...»

– Обед будет не раньше пяти, – спокойно продолжил вошедший. – У нас тут, знаете ли, свой распорядок дня. Плотный завтрак, поздний обед, затем до ночи охота, а уж ужин почти ночью, когда все вернутся. Ирина, мне кашу, пожалуйста.

– Мне тоже кашу, – попросила Злата.

– А мне яичницу. – Светка тряхнула кудряшками и лучезарно улыбнулась вошедшему: – Доброе утро, Александр Федорович.

– Доброе утро. – Не обращая больше ни малейшего внимания на двух женщин, он сел за стол и начал сосредоточенно делать себе бутерброд. Злата невольно засмотрелась на то, как двигаются его руки.

Она вообще, когда знакомилась с новыми людьми, всегда обращала внимание на их руки. Люди с короткими мясистыми пальцами, плоскими лопатообразными ногтями, корявыми, как обрубки, ладонями ей инстинктивно не нравились. А вот обладатели красивых рук сразу вызывали расположение.

– Руки выдают происхождение, – назидательно говорила мама. – Порода как раз и узнается через изящные руки.

У самой Златы ручки были тоненькие, как веточки, маленькая ладошка с длинными узкими пальчиками и миндалевидными ногтями. У Светки – пухлые, но правильной формы. У ее друга Котика – крепкие, с тонкими, подвижными, «умными» пальцами. Глядя на эти пальцы, лежащие на руле машины, Злата понимала, что он действительно выдающийся хирург. А у владельца базы, которого, оказывается, звали Александром Федоровичем, руки были большие, но изящные, и движения, которыми он брал нож, намазывал масло, укладывал куски сыра, были основательными, плавными, без дерганости и суеты. Злата даже засмотрелась, так красиво двигались его руки.

– Ты чего пялишься? – прошипела ей на ухо Светка. – Не вздумай. Эта акула бизнеса тебе не по зубам. Ты у нас девушка нежная, трепетная, возвышенная. А он в деревне вырос. Простой как пень. Правда, богатый до неприличия. Но разговаривать с ним наверняка не о чем.

Злата испуганно покосилась, не слышит ли хозяин жаркий Светкин шепот. Но он невозмутимо ел свой бутерброд, запивая его принесенным официанткой Ириной кофе из огромной кружки с медведем на боку, и не обращал на них ни малейшего внимания.

Злата уже заметила, что вся посуда входила в один, явно сделанный на заказ, сервиз. На тонком фарфоре с серебром и позолотой были изображены охотничьи сцены. На одних тарелках поселились фазаны, на других – куропатки, на чашках оскаливались волки и лисы, на блюдах притаились кабаны, и все это было почему-то очень красиво и, вопреки ожиданиям, совершенно не пошло. Пошлости Злата не переносила.

Аржанов (неожиданно для себя Злата вспомнила его фамилию) ел молча, не вступая в разговор не только с ними, но и с неприветливым мужиком напротив.

– А где все остальные? – Злате показалось глупым молчать, и голос ее прозвучал неожиданно пискляво под высокими сводами комнаты.

– Кто где. – Аржанов пожал плечами, и под тонкой тканью футболки заметно перекатились мышцы. Злата невольно сглотнула. – У нас тут только обед и ужин по строгому, обязательному для всех расписанию. А позавтракать можно в любое время с семи до одиннадцати. Так что наши гости – кто-то еще спит, Сергей Васильевич уже позавтракал и сейчас в кабинете работает, почту просматривает, указания дает. Владимир ему помогает. Леонид Андреевич с утра пораньше на рыбалку уехал. А Сергей Константинович в лес ушел, воздухом подышать.

«Боже мой, кто все эти люди? – в отчаянии подумала Злата. – Где вчера была моя голова, когда я с ними со всеми знакочилась? Неужели их так много и как я дальше буду с ними общаться?»

Уткнувшись в свою кашу, она погрузилась в привычные переживания по поводу собственного несовершенства. В столовой опять воцарилось молчание, которое прервал только появившийся Котик. Видимо, принятый душ вкупе с аспирином помог ему прийти в себя. Выглядел он вполне свежим, поцеловал Светку в щеку, кивнул Злате, поздоровался за руку с Аржановым и мрачным мужиком, заказал яичницу и котлет из оленины и приступил к завтраку, не забывая поддерживать разговор, в который постепенно включились все присутствующие.

Впрочем, съев свою кашу и выпив еще одну огромную чашку кофе, Аржанов вскоре откланялся, сославшись на дела. Непонятный мужик тоже ушел, и Котик, Злата и Светка остались втроем.

– Константин Алексеич, спасайте, – взмолилась Злата. – Я никого вчера не запомнила, кроме хозяина, и теперь чувствую себя совершенно не в своей тарелке. К примеру, вот этот мужчина, который сейчас с нами сидел, он кто?

– Гриша? Он банкир. Банк «Волга-кредит» знаешь? – Злата кивнула. – Ну, так он там председатель совета директоров. Я его давно знаю, правда, тут не ожидал увидеть.

– Почему? – спросила Злата.

– Да он никогда охотой не увлекался. Вчера честно признался, что в первый раз.

– Все в жизни бывает в первый раз, – философски сказала Злата. – Мы вон со Светкой тоже раньше никогда на охоте не бывали. И если бы мне кто-нибудь сказал, что я на такую базу попаду, я бы в жизни не поверила.

– Тут ты права. Вообще-то ему проветриться не мешает после всего, что он перенес.

– А что он перенес? – В голосе Светки слышалось нескрываемое любопытство.

– Семейную трагедию. Уж вы меня, девы, простите, но эта тайна не моя, так что посвящать я вас в нее не буду, но досталось ему крепко. Так что, думаю, поездка эта что-то типа лечебной. Смена места и вида деятельности.

– А Сергей Васильевич и Володя – это кто?

– Ты что, Муромцева не знаешь, – удивился Котик, – депутата областного? А Володя – его помощник.

– Муромцева? – Теперь уже настал Златин черед удивляться. – Конечно, знаю, только я его вчера не видела. Уж его-то я не могла не запомнить, он из телевизора не вылезает.

Сергей Васильевич Муромцев действительно был фигурой колоритной. Скандальный, всегда оппозиционный политик, любимец бабушек-избирательниц, обожающих его за поставленные во дворах скамейки и вкрученные в подъездах лампочки, владелец отличной коллекции антиквариата, частично собранной не совсем законным путем, отсидевший в молодые годы пять лет за скупку краденого, имеющий огромное влияние на преступный мир, а также по совместительству писатель, киноактер и просто любитель красивой жизни, он был везде.

О нем писали все газеты и журналы, его показывали по телевизору, причем совершенно бесплатно. Журналисты скрипели зубами, но не могли пройти мимо придуманных им информационных поводов, которые были просто блестящи. Он вызывал на свою загородную базу отдыха «Квартирный вопрос», и это была первая передача, ради которой ее создатели выехали в российскую глубинку. Он создал и открыл музей уникальных прялок. У него все время случались то обыски, то пожары. Он выдавал на-гора книги о выдающихся людях, и это были уникальные издания, иллюстрированные богатейшим архивным материалом. Ему было интересно все, и он был интересен всем.

Охота тоже оказалась одним из давних хобби Муромцева, поэтому в его присутствии на элитной базе ничего необычного не было.

– Так он только утром прилетел. Часов в семь, кажется, – пожал плечами Котик. – Поэтому вчера ты его видеть и не могла.

– Прилетел? На чем? – не поняла Злата.

– На вертолете. Тут у Аржанова обустроена прекрасная вертолетная площадка. К нему из Москвы шишки исключительно по воздуху добираются. Мы-то простые смертные, на автомобилях по кишкотрясу. А за Муромцевым еще вчера вечером вертолет отправили. С ним и Парменов прилетел.

– Какой Парменов? – От обилия информации у Златы голова пошла кругом.

– Здравсте, приехали! Сергей Парменов. Журналист известный. Программа «Давеча».

– Да вы что? И он тоже будет тут, с нами?

– «С нами, с нами...» – смешно передразнил ее Котик. – Он как прилетел, так сразу в лес ушел. Уединяться с природой. Он же природник. От берез и елок энергию черпает.

– А кто те трое мужчин, которые вчера все-таки с нами ужинали? Помимо вашего банкира.

– Ну, банкир, к сожалению, не мой. А ужинали с нами Зимний Леонид Андреич, начальник нашего с вами, девы, городского УВД. Маленький такой, худенький. Он с утра на рыбалку отправился. Иван Николаевич Костромин, это такой высокий, статный, седой,

на белого офицера похож. Он – заместитель губернатора. За социальную сферу отвечает. В прошлом мой коллега, врач-кардиолог. Этот спит пока. Ну и такой полный смешливый мужичок – это историк известный, ученый секретарь Института российской истории Семен Михайлович Щапин.

– Хм, до чего компания разношерстная, – заметила Светка. – Как всех вместе и собраться-то угораздило?

– На охоте все равны. – Котик пожал плечами. – Но в одном ты права: чтобы здесь оказаться, нужно быть гостем «Клуба десяти».

– А что это такое? – Злата всерьез заинтересовалась разговором.

– Есть десять человек, которые имеют право приглашать своих гостей на эту базу. Помимо Аржанова и двух его соучредителей, в клуб входит еще парочка московских олигархов, Муромцев, губернатор нашей с вами родной области Малоземов и еще кто-то, я не всех знаю. Каждый из них вносит на развитие инфраструктуры двести тысяч евро в год.

– Сколько????

– Много. На эти деньги база содержится. И именно эти люди имеют право приглашать сюда всех, кого считают нужным. Просто так, со стороны, сюда не попасть. Хоть все деньги мира твои, а сюда без протекции хода нет. К примеру, Муромцев пригласил Парменова, ну и помощника своего привез. Губернатор отправил Костромина и Зимнего. Москвичи направили историка. По чьей линии банкир взялся, я не знаю.

– А мы с вами? – любопытствовала Злата.

– А мы с вами тоже по линии губернатора. Я его тестю операцию делал года три назад. С тех пор иногда пользуюсь любезно предоставленной возможностью побывать в этом волшебном месте. Уверен: вам здесь тоже понравится. Ну что, доели? Пошли тогда.

– Куда? – не поняла Злата. – У нас какие-нибудь планы на сегодня?

– Ты погуляй, территорию посмотри... – Голос Заварина стал каким-то неуверенным, его даже немного повело, видно от смущения. – А мы со Светланой в номере побудем. Я себя не очень хорошо чувствую после вчерашнего. Полежу, а она меня поразвлекает. Разговорами.

Злате стало смешно и грустно одновременно. Смешно, потому что Котик явно намеревался отработать ночное Светкино разочарование. А грустно, потому что ей вовсе не улыбалось провести все утро одной.

«А ты чего ждала, отправляясь сюда в такой компании? – сердито сказала она себе. – Тебе же русским языком было сказано, что все свободное время они намереваются проводить в постели. Так что утреннее одиночество запланировано программой пребывания. И жаловаться не на кого. Кроме себя самой, согласившейся на такой отпуск».

Помахав рукой подруге, игриво побежавшей по лестнице наверх, Злата спустилась с крыльца и задумчиво огляделась по сторонам. Территорию базы она решила оставить на потом, поэтому легко пошла по песчаной дорожке, ведущей за решетчатые ворота, чтобы, как и журналист Парменов, воссоединиться с природой.

Глава 3

Пропать во ржи

*Когда настроения нет, все равно ничего не выйдет.
Джером Сэллинджер*

Аржанов был доволен. Его вчерашнее поручение обустроить пару новых кормушек для кабанов егеря выполнили. Да еще и эксперимент устроили. На одном краю поля по старинке выкопали яму для солярки, которую потом, залив пятьдесят литров, засыпали землей. На другом краю соорудили гору свежих опилок, которые тоже облили соляркой. Ушло тридцать литров горючки. А с третьего края вкопали на глубину сорока сантиметров кусок полиэтилена, а потом пропитали верхний слой земли все той же соляркой.

Он знал, что парни заключили между собой пари – какая из ароматических приманок лучше сработает по привлечению зверя. Скинувшись, на кон поставили десять тысяч рублей, и, усмехнувшись, Аржанов сказал, что добавит победителю еще столько же. Только чтоб по честному.

– Чья идея с опилками? – спросил он.

– Ленки. – Высокий кудрявый парень, услышав свое имя, заулыбался хозяину.

– У меня, Александр Федорович, отец так приманки ставит, – охотно объяснил он. – Соляры меньше уходит, и кабан к этим опилкам всегда самый крупный прет. Как на подбор.

– А полиэтилен кто надоумил вкапывать?

– Да вон, Санек.

– Интересный метод. – Аржанов повернулся к Саньку. – Сам придумал?

– Нет, – односложно ответил тот.

– У кого-то подсмотрел? Я, признаться, о таком не слышал, хотя про охоту, казалось бы, все знаю.

– У нас в деревне, где я лето проводил, так мужики делали, – неохотно ответил тот. – Солярки всего двадцать литров надо. Раз в месяц доливаешь ведро, и все. Полиэтилен не дает ей в землю уходить, поэтому и расход меньше. А работает так же.

– Ну что ж, проверим, – Аржанов хлопнул ладонями по коленям, показывая, что разговор окончен. – А победителю деньги, слава и почет достанутся. Федор, ты ответственный, чтобы все было правильно, без подтасовок.

Старший егерь согласно кивнул.

Оседлав мотоцикл, Аржанов не спеша поехал от егерского домика в сторону главного корпуса. Если речь шла не о самой охоте, то он предпочитал передвигаться по своим владениям исключительно на мотоцикле. И модель выбрал соответствующую – проходимую, не боящуюся весенней распутицы и осеннего бездорожья. Но не кричащую о богатстве, как, к примеру, «харлей», а скромную, но со вкусом «ямаху эндуро».

По обе стороны дороги чуть вдалеке темнел лес. Величавый, неприступный, таящий в себе немало опасностей. Аржанов леса не боялся. Ему лес был не врагом, а другом. Добрым знакомцем, с которым они знали друг о друге все. Между дорогой и лесом расстилались поля, засеянные овсом и пшеницей. Сюда приходили семьи кабанов, а иногда забредали и медведи.

Золотились на солнце, шуршали полузрелые колосья, порождая тихую ненавязчивую музыку русского поля. Пахло летом, свежестью и чуть-чуть зверем. Необъятная даль, уходящая за линию горизонта, как всегда, наполняла сердце Аржанова гордостью за родину,

которую он любил со всеми ее недостатками и проблемами и которую не согласился бы променять ни на какую другую страну.

Ему душно и неинтересно было в Европе. День-два – и начинало нестерпимо хотеться обратно, в затерянную в лесах глушь, где все было родным, до боли знакомым и настоящим. Раз в год он выбирался на собственную яхту, стоящую на причале в итальянском городе Чезенатико. Но, за неделю избородив просторы Адриатического моря, он с чувством глубокого облегчения уезжал домой, чтобы по северным рекам выйти в Кубенское озеро на маленьком катере, ни размерами, ни «начинкой» не сопоставимом с итальянской яхтой. И наконец-то почувствовать себя полностью счастливым. Ну не любил он моря. Точнее – был к нему равнодушен.

А вот северный российский край с его неброской, немного сердитой красотой любил всей душой. Потому что только здесь чувствовал себя своим. Из-за вершин елей выглядело, дурачась, солнце. Мелькало в далеких кронах, обещая по-настоящему жаркий летний день. А в изгибах дорожки, прятанной среди золотистых колосьев, мелькала чья-то тоже золотистая на солнце головка. Явно женская.

– Ч#черт... – Притопив газ, Аржанов помчался ей навстречу. – Девушка, вы что, с ума сошли? – Он испугался, а потому почти кричал от непривычного для себя волнения. – Вы что здесь делаете? Тут кабаны стаями ходят. И медведи встречаются. Вам что, жить надоело?

– Как – кабаны? – Худенькая девица, одна из тех двух, что приехали вчера вместе с хирургом Завариным, тревожно метнулась в сторону его мотоцикла. – Вы меня разыгрываете, наверное.

– Зачем? – Аржанов пожал плечами. К нему медленно возвращалась его привычная невозмутимость. Рядом с ним девице ничего не угрожало, а проучить ее следовало, чтобы в следующий раз не вздумала шастать где попало. – Это охотничья база. Сюда приезжают, чтобы охотиться, а потому ничего удивительного, что тут везде звери.

– Вот прямо так и везде?

– Там, где огороженная сеткой территория, – везде. Мы их специально разводим. В естественных условиях проживания. А сейчас лето, как раз молодняк подрастает. Нарвались бы на разъяренную мамашу – и все. Вы зачем за забор полезли? На воротах же везде объявления висят, что проход запрещен. Да и заперты они, ворота.

– Я через открытые прошла, честное слово... – Голос девицы задрожал от переизбытка чувств. – Я видела, что там ворота, но они были открыты, а тут поле, а не лес. Разве на поле могут быть звери?

– На кабанов охотятся в овсах, – менторским тоном сказал Аржанов, и ему стало смешно. – Да и медведи в овес ходят иногда. Потому и сею. А за открытые ворота я егерей выдеру. Что за бардак, честное слово!

– Как выдерете? – Худышка, похоже, опять испугалась.

– Образно говоря. Всего лишь без премии оставлю, – успокоил ее Аржанов. – Садитесь, я вас обратно отвезу. Не бросать же вас тут на съедение.

Девица опасливо посмотрела на мотоцикл и замаялась.

– Вы что, никогда на мотоцикле не ездили?

– Н#нет.

– Ну вот, заодно и попробуете. Вы не волнуйтесь, – он помешкал, вспоминая ее имя, – Зоя. Я хорошо вожу мотоцикл, и в здешних местах это один из самых надежных и безопасных способов передвижения.

– Меня Златой зовут, – тихо ответила девушка и неловко взгромоздилась на сиденье за его спиной. – И я несколько не сомневаюсь, что вы хорошо водите мотоцикл. Судя по вашему самоуверенному виду, вы все делаете великолепно.

– Держитесь, – сухо скомандовал Аржанов и, обернувшись на ее сомневающееся лицо, уточнил: – обнимите меня за пояс. Двумя руками. Иначе упадете.

Тонкие, похожие на веточки ручки с наманикюренными пальчиками послушно обвились вокруг его талии. На плечо свесился золотистый хвост волос, довольно тяжелый. Возле уха Аржанов слышал напряженное сопение. Он знал, что ей страшно, но она не ойкала и не ныла, что, несомненно, делало ей честь. Характер Аржанов ценил во всех его проявлениях.

Впрочем, по большому счету, сидящая за спиной девица его совершенно не интересовала. Во#первых, на ней были очки. А Аржанов терпеть не мог эту деталь женского туалета. Женщина в очках казалась ему асексуальной. Как старая училка в школе. Во#вторых, он уже вышел из того возраста, когда интересуют все девицы подряд. А в#третьих, вошел в такую степень благосостояния, которая предусматривает опасливое отношение к интересу, проявляемому к нему девицами.

Надо признать, что эта никакого интереса к нему не выказывала. Сжав зубы, сидела на мотоцикле, стараясь держаться на «пионерском расстоянии», и молчала.

«Глаза закрыла, наверное, – догадался Аржанов, стараясь ехать не очень быстро, чтобы не пугать ее еще больше. – Злата. Надо же, какое имя прикольное! Нечасто встретишь».

– А где васильки?

– Что? – Сквозь шум ветра Аржанову показалось, что он ослышался.

– Васильки. Они всегда растут на полях. Я, собственно, и пошла за эти ворота, потому что увидела поле с колосками. Хотела васильков нарвать, а то я их с детства не видела! – Приблизив губы к самому его уху, Зоя, нет, как ее... Злата почти кричала.

– Васильки в овсе не растут. Только во ржи, ну еще в пшенице немного, – заорал в ответ Аржанов. – Вы овес ото ржи отличаете, девушка?

– Если честно, не очень, – призналась она. – А зачем вам овес? На корм скоту или на продажу?

Аржанов даже хрюкнул от неожиданности. Все-таки ее присутствие на охотничьей базе, среди матерых охотников, было похоже на анекдот, смешной до невозможности.

– В овсах на кабана охотятся. И на медведя. Я же вам говорил. Поэтому мы поля и засаживаем, и кормушки ставим, и ямы с соляжкой обустроиваем.

– А ямы зачем?

– Кабан соляжку любит. Уж даже и не знаю почему. Идет на запах, копает, пока не найдет, и начинает кататься. Вроде как он живность из шкуры выводит таким образом. Как бы то ни было, для него запах соляры покруче, чем вам «Шанель».

– Я «Шанель» не люблю, сладко очень. Возрастные духи, – на полном серьезе прокричала Злата. – Вот Issey Miyake – совсем другое дело. Вы знаете, японские ароматы вообще очень ненавязчивы. Японцы ценят понятие личного пространства, поэтому и духи делают такие, чтобы его не нарушать.

– Про японские духи вы мне в следующий раз расскажете, ладно? – сказал Аржанов, глуша мотоцикл перед центральным гостевым домом. – От потенциальной опасности я вас спас, так что больше за ворота не выходите, пожалуйста.

– Да-да, спасибо большое. – Лицо ее вмиг сделалось расстроенным. И Аржанову почему-то стало ее жалко.

– Хотите, я вас в поселок свожу? – неожиданно для самого себя предложил он. – Правда, развлекать мне вас будет некогда, потому что я на работу поеду. Но поселок покажу и где-нибудь в центральном парке погулять оставлю, а на обратном пути заберу. Я на работу ненадолго, несколько договоров посмотрю – и обратно.

– А можно я тоже с вами на работу? – выпалила Злата, холодея от собственной наглости. – Я не буду вам мешать, посижу в сторонке, и все. Для меня природы вокруг слишком

много. – Она улыбнулась чуть виновато, и Аржанов вдруг подумал, что улыбка у нее хорошая. – Я дитя мегаполиса, так что любому парку предпочту кабинет.

Аржанов уже сердился на себя за неожиданное предложение взять ее с собой. Возиться с ней ему было совершенно неохота, да и некогда. Но вылетевшего воробья было уже не поймать, поэтому чуть более сердито, чем она того заслуживала, он буркнул, что переоденется и будет ждать ее на стоянке машин через десять минут.

– Мы не на мотоцикле поедem? – уточнила Злата. – А то я за кофтой сбегая, холодно на мотоцикле, хоть и жара на улице.

– На мотоцикле я только по полям езжу, – сухо ответил Аржанов. – Можете не утепляться. Поедем на машине. «Геленваген» вас устроит?

– Я не знаю, что это, – пожала плечами Злата. Ее золотистые волосы блеснули на солнце, заставив его невольно зажмуриться. – Но меня вполне устроит любой вид транспорта, особенно с учетом, что я сама напросилась.

– Вы не напрашивались, это я вас позвал. – Аржанов был уже вконец недоволен собой и, кивнув, пошел по дорожке в сторону флигеля, в котором жил. Злата зачарованно смотрела ему вслед.

* * *

Поселок с поэтическим названием Ясенька поражал воображение. Вдоль главной улицы, понятное дело, не заасфальтированной, но плотной и накатанной, тянулись аккуратные дощатые тротуары, приподнятые над землей сантиметров на десять. При взгляде на них становилось понятно, что пройти, не замочив ноги, здесь можно в любую погоду. Съезды с тротуаров были тоже аккуратными, приспособленными под коляски, хоть детские, хоть инвалидные.

По обе стороны дороги стояли аккуратно побеленные до середины ствола ясени, давшие название поселку. Заборы – не покосившиеся, все одинаковые, сбитые из ровных деревянных реек, – были покрашены в веселый желтый цвет. Почти на всех домах имелись тарелки спутникового телевидения. За левым окном автомобиля взору Златы открылась церковь. Не старинная, полуразрушенная, привычная глазу в российской глубинке, а новенькая, с колокольней, часовенкой неподалеку и достаточно большой территорией, обнесенной кованой оградой.

– Что это? – пробормотала Злата. – Здесь не может быть такой церкви.

– Почему? – насмешливо спросил ее человек, сидящий рядом, за рулем большой, ни на что не похожей машины.

– Ну, это же обычная маленькая деревня. Не райцентр даже.

– А для того, чтобы разговаривать с богом, надо жить в райцентре? – Насмешка в голосе не проходила, и Злате захотелось провалиться сквозь землю. Она не любила, когда над ней смеются. – Не напрягайтесь так. Все просто. Эту церковь построил я. Это мой родной поселок. Я тут родился и вырос. Поэтому и стараюсь теперь поддерживать тут все в человеческом состоянии.

– То есть тротуары и заборы тоже ваших рук дело? – догадалась Злата.

– Не совсем рук. Но в общем и целом – да, моих.

– А еще что вы тут обустроили?

Аржанов усмехнулся. Она была довольно сообразительная, эта девица.

– Спортивный комплекс: открытую баскетбольную площадку, ледовый корт, крытый спортивный зал. Новую школу, но это мы уже вместе с губернатором справили. Я ему всю плешь проел, поэтому он на здание средства из областного бюджета выделил, а я все обо-

рудование закупил. Теперь это единственная в районе цифровая школа. С вай-фаем во всех кабинетах.

Здание школы появилось за окошком справа – трехэтажное, из белого кирпича, с красной крышей и большой пристройкой.

– Бассейн, – коротко прокомментировал Аржанов, заметив немой вопрос Златы.

Свернув с центральной улицы, они оказались перед большим зданием, обшитым облицовочными панелями.

– «Ясеновский лесопромышленный комплекс. Центральный офис», – прочитала Злата на табличке у входа.

– Вы действительно со мной пойдете? – спросил Аржанов. – Можете в парке посидеть, это вон там, напротив. Но если не передумали, то проходите, я вас кофе напою.

– Не передумала. Если честно, мне очень интересно, – призналась Злата.

Он пожал плечами:

– Ну, раз интересно, то проходите. В этом здании у нас контора, а в соседнем – амбулатория. Мы и стоматологический кабинет обустроили, и лабораторию, чтобы людям не надо было в райцентр ездить, раз в неделю из ЦРБ узкие специалисты приезжают, прием кардиолога, гинеколога, хирурга. Все тут, в Ясеновке. А уж если что экстренное случается, то машина дежурная на предприятии есть, сразу в больницу увозит.

– Это только работников касается? – полюбопытствовала Злата.

– Да у нас, почитай, весь поселок либо работники, либо члены их семей, – ответил Аржанов. – Поэтому всем помогаем.

– Неужели все у вас работают? Как патриотично! – Злата не удержалась от мелкой шпильки.

– Патриотизм тут ни при чем. Просто все производства в поселке принадлежат мне. И лесное, и молочное, и мясное. Платим мы нормально. Даем ссуды, чтобы люди строиться могли. Детей на учебу отправляем, стипендии платим.

– Вы тут, наверное, царь и бог. – Она продолжала язвить, хотя и сама не понимала почему.

– Хотите спросить, любят ли меня? Нет, не любят. Во#первых, человек я довольно жесткий. Пьянства не прощаю, прогулов не допускаю, требую за каждый заработанный рубль, спуску не даю, халяву не поощряю, воровство тоже.

– А во#вторых?

– А во#вторых, зависть – тяжелое чувство. Ее не все победить могут. Я ведь действительно тут родился и вырос. У всего поселка на глазах. Нас у родителей четверо было. Я старший. Отец пил страшно, не работал. В нищете мы жили в беспросветной.

Мама то беременная, то кормящая. Отец ее бил смертным боем, пока я не подрос и вмешиваться не начал. Она болела сильно. От голода, ведь любой кусок лишний нам совала, от авитаминоза постоянного. А когда мне двенадцать лет было, мама вообще умерла. От подпольного аборта. Не хотела дальше нищету плодить и кровью истекла.

Отец совсем просыхать перестал. И все хозяйство на мне оказалось. Корову доил, свиней кормил. За огородом смотрел. Полы мыл, печь топил. Братья тоже на мне были. Покормить, в бане вымыть. Мечтал, чтобы отец пьяный в сугробе замерз и нас бы в детдом отдали.

Меня в деревне кто жалел, кто подкармливал, кто пинка давал на улице. А теперь я, беспризорник, всей деревней заправляю. Зарплату плачу, жизнь вокруг обустроиваю. Не все с этим смириться могут. Потому и не любят.

У Златы от его рассказа закружилась голова. Она представила двенадцатилетнего пацаненка, уворачивающегося от кулаков пьяного отца, шмыгающего вечно простуженным носом, доящего корову и скучающего по материнской ласке, и слезы навернулись на глаза.

– У#у#у, какие мы сентиментальные. – В голосе Аржанова снова послышалась насмешка. – Вы меня особо-то не жалейте, девушка. Я уже вырос, и жалеть меня довольно сложно. Проходите в кабинет, вон кресло удобное, садитесь туда. Оля, кофе нам сделай, пожалуйста.

Секретарша с аккуратной гладкой прической чуть ревниво посмотрела на Злату, кинула любопытный взгляд на ее фирменный льняной сарафанчик и послушно кивнула:

– Сейчас, Александр Федорович.

Кофе она принесла на мельхиоровом подносе, покрытом кипенно-белой накрахмаленной салфеткой. В мельхиоровой же сахарнице лежал модный коричневый тростниковый сахар. На блюдечке под другой салфеткой обустроились слойки с яблоком и корицей. В маленьком молочнике переливались матовые сливки. Все было вкусно, до невозможности красиво и никак не вязалось с поселковой действительностью.

Воспользовавшись тем, что хозяин этого стильного, со вкусом обставленного кабинета не обращает на нее никакого внимания, Злата скинула босоножки и залезла в широкое кожаное кресло с ногами. Прихлебывая кофе, она рассматривала кабинет и, исподтишка, его владельца. Он читал бумаги, смешно шевеля губами и решительно морща лоб.

– Ч#черт знает что такое, – пробормотал он минут через пятнадцать.

– Проблемы? – светским тоном осведомилась Злата. Слойки она уже съела, кофе выпила, кабинет и его хозяина рассмотрела всласть, поэтому ей потихоньку становилось скучно.

– Да договор. Что-то в нем не то, а вот что именно – никак не пойму. Вроде гладко все, а цепляет что-то. Неуловимое. А я, когда чего-то не понимаю, злюсь. Такая вот особенность характера.

– Дайте я посмотрю. – Злата вылезла из кресла и как была, босиком, подошла к его рабочему столу. Аржанов с сомнением посмотрел на нее, но послушно протянул несколько листов бумаги.

Это был договор поставки оборудования, которое бралось в аренду сроком на год, но проводилось через продажу с последующим обратным выкупом.

– Просто в аренду нельзя взять? – коротко осведомилась она.

– Они против, – так же коротко ответил Аржанов. – Нам это оборудование позарез нужно, больше взять негде, да еще по такой цене. Так что пришлось соглашаться.

– Вы при обратном выкупе на НДС попадаете, – сказала Злата, бегло, но внимательно изучив договор. – У вас упрощенка, у них общая система налогообложения. При обратном выкупе возникает НДС, а в затраты вам его не взять.

– Ч#черт... – Теперь уже Аржанов смотрел на Злату с уважением. – Вы юрист или бухгалтер?

– Аудитор в контрольно-счетной палате. Так что просто ловкость рук и никакого мошенства, как говорили в каком-то старом фильме.

– Все равно здорово. А мои прохлопали. Премии лишу.

– Вот так сразу?

– А я все делаю быстро и стремительно. Давайте я вас на работу возьму.

– Спасибо, конечно. – Злата засмеялась. – Но, во#первых, вы делаете быстрые и стремительные выводы касательно моих профессиональных навыков, которые могут не соответствовать действительности. А во#вторых, меня вполне устраивает моя работа, да и место жительства я менять вовсе не намерена.

– Вас, наверное, все в вашей жизни вообще устраивает? – Он выжидающе смотрел на Злату, которой вдруг почудился в этих словах скрытый двойной смысл.

– Все может устраивать только идиотов, – сухо ответила она. – Но к глобальным переменам я действительно не стремлюсь.

– То есть работу, город и мужа вы менять не собираетесь?

Злата пожала плечами:

– Вы собираетесь сделать мне еще одно предложение? Помимо работы?

– Избави бог! – Испуг в его голосе был таким неподдельным, что она невольно засмеялась. – А вам палец в рот не клади. Оттяпаете.

– Если вы закончили свои дела, то давайте поедem на базу, пока я не нанесла вам тяжелых увечий своим сарказмом. Признаюсь, язык у меня действительно довольно острый.

– И по этой причине вы абсолютно точно не замужем. Ладно, ладно, не бейте меня. – Он тоже засмеялся, увидев ее возмущенное, покрасневшее лицо. – Вот ведь повезет кому-то. Это я вам как отец четырех детей говорю. Ладно, поехали на базу. А в благодарность за ваш зоркий глаз по дороге покажу совершенно удивительное место.

«А ты что хотела? – сердито думала Злата, безучастно глядя, как за окном машины мелькают ровные ряды заборов, выметенные улочки, разноцветные дома с резными наличниками и причудливыми флюгерами. Все-таки Ясенеvка предлагала глазу удивительную для российской глубинки картинку. – Конечно, он женат. И у него дети. Вон, целых четверо. Еще бы! Он же правильный. У него все по порядку. По раз и навсегда заведенному плану. И нет тебе до него никакого дела. Приехала на эту дурацкую базу – и уедешь через неделю. Он вон с трудом запомнил, как тебя зовут. Видно, что ему ни до каких девиц нет дела. Он – миллионер. Чем ты можешь его заинтересовать? И он тебе тоже абсолютно неинтересен. И вообще... У тебя Артем есть».

Артем Галанин, известный в их городе адвокат, уже пять лет приходился Злате любовником. «Официальным», как это называла Светка Медведева.

– Что ты глупости за кем-то повторяешь? Что значит «официальный любовник»? – злилась Злата.

– Это значит, что все знают, что вы пара, – назидательно объяснила Светка. – Вон, на всех приемах, куда вас обоих приглашают, вас специально сажают рядом. Понятно, что он держится в рамках приличий, все-таки женатый человек. Но, в принципе, он ни от кого особо не скрывает, что ты с ним.

Этот постулат Злате казался спорным. Но спорить она не стала. Ей было приятно думать, что окружающие считают ее постоянной спутницей Артема, и хотелось верить, что он тоже так думает. Когда-то, в самом начале их романа, Злата была сильно влюблена, мечтала о том, что любимый разведется с женой, грезилa о совместной жизни и общих детях. Артем был страстен, мил, дарил подарки, предупредительно вел себя на общих вечеринках, аккуратно, но железно давал понять окружающим мужчинам, что это его женщина, но разводиться не собирался, любые обсуждения своей семьи пресекал и о женитьбе на Злате не заговаривал.

Периодически она встречала его с семейством по выходным в модном городском супермаркете. Дочка, смешная маленькая обезьянка с косичками, висла на папке, сын серьезно катил тележку с продуктами, жена, стройная, достаточно милая, чтобы понравиться Злате, и достаточно красивая, чтобы Злата расстроилась, разговаривала с Галаниным особенным голосом, которым обычно разговаривают жены: властным и капризным одновременно. После некоторых таких встреч ездить в этот супермаркет Злата перестала. А через пару лет успокоилась. Болезненная любовь и жажда обладания этим мужчиной у нее прошли. Привычка осталась. Артем позволял не чувствовать себя окончательным «синим чулком», но оставлял абсолютную свободу действий: читать, когда хочется, не мыть пол, если не хочется, ходить по квартире голой, не краситься по выходным. В общем, Артем Галанин был удобным, как старые туфли.

– Выходите. Тут действительно красиво. – Голос Аржанова вывел ее из раздумий, в которые она незаметно для себя погрузилась.

Не очень понимая, где они, она распахнула дверцу, выпрыгнула из высокой машины на землю, повернулась – и ахнула.

Внизу – под высоким обрывом, на котором они неведомо как очутились, изогнув свой девичий стан, текла река. Величав и неспешен был ее бег. Трепетала в немом восторге листва расположенного на другом берегу леса. Солнце сияло, оставляя блики на воде. В кокетливой томности реки, ее плавных изгибах были и горделивая русская красота, и невысказанное обещание счастья. Смотреть на это с высоты обрыва было все равно что лететь. И Злата почувствовала, что задыхается от захлестывающих ее эмоций. Приложив руки к покрасневшим щекам, она не отрываясь смотрела вниз – на реку, ее противоположный песчаный берег, лес, подступающий к кромке воды, и небо, которое самым невероятным образом тоже оказалось внизу, у ее ног.

– А как же васильки?

– Что? – Она перевела непонимающий взгляд на стоящего за ее спиной Аржанова.

– Вы, помнится, за васильками на медвежье поле отправились. Что же сейчас их не собираете? Я вас специально привез туда, где их можно собирать без риска для жизни. А вы ноль внимания.

– Где васильки? – Злата снова посмотрела вниз, на невозможный симбиоз реки с небом.

– С другой стороны дороги. – Голос Аржанова был бесцветен, но глаза смеялись.

Повернувшись к волшебной реке спиной, Злата наконец увидела ржаное поле. Несколько минут она вертела головой, то смотря на тугие, пока еще не созревшие колосья, которые, казалось, звенели, приглашая в гости, то на реку внизу.

– Над пропастью во ржи... – пробормотала она. И, спохватившись, объяснила: – Не обращайтесь внимания, это книжка такая есть. Знаменитая. И у меня сейчас такое ощущение... волшебное. С одной стороны обрыв, почти пропасть, а с другой – рожь, вот и вспомнилось.

– То, что вам Сэлинджер вспомнился, – это, конечно, хорошо. Это несомненно характеризует вас как тонкую и начитанную особу, – невозмутимо ответил Аржанов, и Злата покраснела от своей напрасной уверенности в том, что он знать не знает о существовании романа «Над пропастью во ржи». – Но шли бы вы васильки собирать, а то мы рискуем остаться без обеда.

– Да-да, я сейчас! – Злате уже не нужны были никакие васильки, но сказать ему об этом она не могла, а потому поспешно перебежала пустынную дорогу и опасно углубилась в острые колосья, достающие ей до середины бедер.

Васильков здесь действительно было видимо-невидимо. Довольно быстро Злата нарвала большой букет, украсив его колющимися прохладными, несмотря на жару, колосками. Немного подумав, она стянула с хвоста на голове резинку и перетянула стебли, чтобы букет не распался. Пыхтя от приложенных усилий, ну и от жары немного, она вернулась к машине.

– Спасибо, – искренне сказала она Аржанову, который смотрел на нее с каким-то непонятным выражением. Сердился, что ли?

«Конечно, как тут не рассердиться, – покаянно подумала Злата, залезая на высокую подножку джипа. – Столько времени на меня убил!»

Хлопнула водительская дверь, и машина покатила прочь. Аржанов молчал, погруженный в свои думы, и Злата притаилась на заднем сиденье, чтобы не раздражать его еще больше. В полном молчании они проехали удивительную Ясеньку, мелькали поля за окном, затем потянулся лес, дорога свернула к базе мимо знакомого, сделанного в виде огромного деревянного медведя указателя.

Зашуршал гравий, открылись кованые автоматические ворота, показалось здание главного корпуса. Спрятав нос в букет васильков, Злата почувствовала легкий укол разочарова-

ния. Снова хлопнула водительская дверь, открылась дверца рядом с ней. Аржанов подал руку, выпуская ее из машины, кивнул и, коротко бросив «встретимся за обедом», не оборачиваясь, зашагал прочь. По-бабьи вздохнув, Злата побрела в сторону дома.

«Надо вазу попросить у кого-нибудь, – подумала она. – Или бутылку из-под воды. Жалко, если букет завянет. Обед через час, значит, на кухне точно уже кто-нибудь есть. Вот и зайду, попрошу».

Дверь в столовую оказалась открытой, но там никого не было. Тихонько постучав в дверь, через которую утром входила официантка Ирина, Злата приотворила створку.

– Что же мне теперь делать? – Ирина стояла у окна, спиной к двери и разговаривала по телефону. В ее голосе слышалась неподдельная мука: – Саша, послушай. Ты не можешь меня сейчас бросить. И не говори, что я должна была сама думать. Это общее дело, в конце концов. Саша... Александр Федорович... Если я и виновата, то только в том, что влюбилась как дура.

Она резко обернулась на звук скрипнувшей двери и захлопнула крышку телефона. Глаза ее были полны слез.

– Что вам надо? – резко спросила Ирина, но тут же поправилась: – Простите, пожалуйста, что я вам нагрубила. Вы что-то хотели?

– Это вы простите, – ответила смутившаяся Злата, – мне бы бутылку какую-нибудь, вот, букет поставить.

– Зачем же бутылку, я вам сейчас вазу дам, – устало сказала Ирина. Лицо ее вдруг сморщилось, и, тяжело задышав, как собака на солнцепеке, она бросилась к раковине и склонилась над ней, сотрясаемая приступом рвоты.

«Да она же беременная, – вдруг поняла Злата. – Вот вам и образец нравственности и морали – Александр Федорович Аржанов, отец четверых детей!»

Букет васильков в руках вдруг стал непомерно тяжелым. Бывшее в окно солнце нестерпимо резало глаза, и Злата почувствовала, что ее тоже почему-то тошнит.

– Простите меня, ради бога. – Отдышавшаяся и умывшаяся Ирина протягивала ей большую вазу из тонкого обычного стекла, как нельзя лучше подходящую именно для полевых цветов. – Извините за все. Если можно, не говорите никому, а то Александр Федорович меня уволит. А мне сейчас никак нельзя без работы остаться.

– Я не скажу, – пообещала Злата. – Но, по-моему, это мерзость – так запугивать сотрудников возможным увольнением. И ваш Александр Федорович – мерзавец.

– Что вы, Александр Федорович – очень хороший руководитель. Справедливый. Да и вообще он человек хороший. – Лицо Ирины порозовело, с него сошла ставшая Злате привычной мертвенная бледность. – Вы его еще просто мало знаете.

– Для меня вполне достаточно, – резко ответила Злата и, повернувшись на каблуках, резко вышла из кухни. Ирина печально смотрела ей вслед.

Древняя мудрость гласит: «Бойся своих желаний – они могут исполниться».

Я бы добавила, что уж если чего-нибудь желаешь, то формулируй свое желание четко, до малейших деталей, иначе можешь получить результат, который действительно пугает. «Я не этого хотела», – запищишь ты, но будет уже поздно.

«Я хочу, чтобы в меня кто-нибудь так сильно влюбился, чтобы просто с ума сходил, – мечтала одна моя подруга, пережившая несколько романов, в которых безумная любовь с головой накрывала именно ее, оставляя ее избранников совершенно равнодушными. – Мне все равно, кто это будет. Я просто хочу, чтобы меня обожали и целовали следы моих ног на песке».

Теперь она не знает, куда деваться от совершенно ненужных ухаживаний человека, который намного старше нее. Он готов целовать песок, он его, наверное, даже съест,

если она попросит, вот только она не просит. Ей немного скучно, немного стыдно, и вся эта любовь похожа на жвачку, которая давно утратила вкус. И смысла дальше жевать нет никакого, и выплюнуть некуда. А главное – не пожалуешься на судьбу, потому что «ты этого хотел, Жорж Данден».

Еще одна знакомая всю жизнь очень много работала. Бизнес-круговерть, обеспечивающая безбедное существование семье – мужу и двоим детям, – изматывала так, что временами она мечтательно закатывала глаза и вздыхала: «полежать бы».

Бог слышал ее часто повторяющееся желание. Три года она была прикована к постели неизлечимой болезнью, постепенно лишавшей ее возможности сначала двигаться, потом шевелиться. А потом и дышать.

Знаю женщину, которая мечтала о собственном домике у моря. В мечтах ей, возможно, рисовалась уютная вилла где-нибудь на Лазурном берегу, прилагаемая к мужу-миллиардеру. Но вслух она говорила только «про домик у моря», и теперь живет в требующей ремонта хибаре в Краснодарском крае вместе с шибко пьющим мужем и свекровью, которая ест ее поедом.

В общем, будьте предельно аккуратны при формулировании своих желаний. Потому что они действительно могут исполниться. Как правило, в самой непредсказуемой форме. Оно вам надо?

Глава 4

Лани затрепетали

Это так нелегко – быть чьей-то мечтой.
Катрин Денев

Спускаясь на обед, Светка выглядела довольной, как нагулявшаяся мартовская кошка. Ее широкоскулое лицо светилось улыбкой, глаза с поволокой смотрели томно и загадочно. Открытые плечи отсвечивали матовой белизной, оттеняемые ярким цветастым сарафаном без бретелек.

Высокая, соблазнительно выскакивающая из сарафана грудь притягивала взгляд не только своей нескрываемой пышностью, но и крупным, неправильной формы кулоном. Зеленый неграненый камень в центре запутанных завитков привлекал своей необычностью. На него хотелось смотреть снова и снова, не отводя глаз.

«Какая красивая вещица», – довольно равнодушно подумала Злата. Навалившееся на нее дурное настроение не проходило. Было тоскливо и почему-то хотелось плакать. Это казалось удивительным, потому что в последний раз Злата плакала три года назад, на похоронах деда. Плаксой она не была даже в детстве. – Я где-то видела что-то похожее. Точно видела! Этот зеленый камень и завитки серебряные. Где же? Точно! У Фриды Яковлевны. В шкатулке с бижутерией, которую мне давали играть, чтобы я не мешала взрослым, был такой кулон. Ну надо же, до чего похож!

– Златка, – голос Светки был свеж, как майская роза, – ты где пропадала? Я тебя по территории искала-искала, уж начала бояться, что ты в лесу заблудилась.

– В поселок ездила. Или ты думала, что я буду сидеть, как верный пес, охранять порог вашей спальни?

– Да ладно тебе сердиться, бука. – Светка снова засмеялась. – Ты ж все понимаешь. Выспавшийся Котик о-го-го как может. Мы с ним до звона в ушах дотрахались. А с кем ты в поселок ездила? Кто из здешних пузатых дяденек вокруг тебя круги выделяет?

– Никто вокруг меня кругов не выделяет, – сухо ответила Злата. – Аржанов на работу поехал и меня взял. Красивый поселок, кстати.

– Ага. И Аржанов тоже красивый. – Светка лукаво посмотрела на Злату. – Я смотрю, ты не теряешься. Но все-таки учти, Добровольская, что он женатый. Зачем тебе роман с еще одним женатым мужиком?

– А тебе зачем? – резонно заметила Злата. – Но ты не волнуйся, никакого романа у меня с ним быть не может. Помимо жены и четырех детей, у него еще и любовница имеется. Беременная.

– Да ты что? – вытаращила глаза Светка. – Это он тебе рассказал? Когда это вы успели наладить такой уровень душевной близости?

– Ой, перестань, – досадливо махнула рукой Злата. – Ничего он мне не рассказывал. Но я не слепая и не глухая. И одно к одному сводить умею. Профессия обязывает.

– Девочки, нас к столу приглашают. – Заварин призывно помахал им рукой. – Там, между прочим, жареные куропатки и тетерева в клюквенном соусе. Не знаю, как вы, а я сильно проголодался.

За обедом Злата старательно не смотрела на Аржанова, который спокойно и невозмутимо ел солянку и куропаток и вел обстоятельную беседу с теми гостями, которые выказывали подобное желание. Зато она с интересом рассматривала остальных собравшихся.

Парменов в стильном твидовом пиджаке, попыхивающий трубкой, представлял собой образец элегантности. Приятный горький запах дорогого табака плыл по столовой. Банкир Григорий, фамилии которого Злата не знала, был целиком и полностью поглощен едой. Муромцев беседовал с Аржановым, его помощник Володя скромно молчал, соблюдая субординацию. Светка ворковала с Завариным, который время от времени перекидывался парой слов с хозяином базы. Зимний азартно рассказывал о своем улове Костромину. Толстенный Щапин, смешно морща нос, пристально разглядывал Светку, видимо, ее открытые прелести не оставили его равнодушным. Злате стало смешно.

– Барышня, а можно нескромно поинтересоваться, откуда у вас столь изысканное украшение? – вдруг спросил он. От неожиданности Злата вздрогнула, а Светка изумленно воззрилась на историка.

– А можно мне поинтересоваться, с чем связан столь нескромный вопрос?

– Простите нижайше. Просто ваш кулон удивительным образом похож на фамильную драгоценность Вероники Берковской, творчеством которой мне приходилось заниматься. Он пропал где-то в начале сороковых годов. И сохранилось лишь его точное описание. Осмелюсь утверждать, что ваше украшение очень под него подходит.

– А кто такая Вероника Берковская? – заинтересованно спросила Злата. Светкин кулон ее интересовал все больше.

– Актриса. Довольно талантливая, но мало известная широкому кругу зрителей. В кино она не снималась. Играла на сцене Малого театра в Москве. Красива была удивительно. В принципе, ее почитатели ходили смотреть не на ее игру, а на внешность. Одна из первых красавиц Москвы, чем, наверное, и объясняется ее трагическая судьба. Слишком много мужчин жаждали ею обладать, совершая ради этого низости. Так что она умерла в лагере. На Колыме.

– А фамильные ценности у нее откуда? – вступил в разговор Заварин. Злата видела, что с интересом прислушивается к беседе и сидящий напротив Володя. Щапин поудобнее развалился на стуле и начал рассказывать, довольный вниманием аудитории.

– Марк Берковский, отец Вероники, был довольно известным в России адвокатом. Он происходил из богатой семьи. Много практиковал еще до революции, поэтому нажил довольно приличное состояние. Когда в России началась смута, он все средства перевел в драгоценные камни – бриллианты, изумруды, рубины. Но выехать из страны то ли не успел, то ли не захотел. Новая власть к его услугам тоже прибегала довольно активно, поэтому семья Берковских тихо жила на отдельной подмосковной даче. Никто их не притеснял и не репрессировал. Экспроприация тоже обошла стороной, поэтому Вероника довольно открыто красовалась на великосветских приемах в фамильных бриллиантах. Чем тоже, разумеется, вызывала зависть и нелюбовь других дам, в том числе и жен высокопоставленных чинов НКВД.

Замужем она была трижды. Сначала в двадцать восьмом году отец выдал ее за своего коллегу-адвоката. Ей только-только исполнилось двадцать, а адвокату этому было уже за пятьдесят. Через год она изменила ему с режиссером, муж поймал ее на измене, выгнал из дома и немедленно развелся.

Красавица особо не расстроилась, бурные романы следовали один за другим, несколько лет она жила словно в угаре, меняя любовников как перчатки, что безумно расстраивало ее отца, человека достаточно строгих взглядов. Он пригрозил, что отречется от дочери и украшения все отберет, если она не одумается. Уж не знаю, по этой ли причине или по какой другой, но в тридцать третьем году она вышла замуж за довольно скучного и ничем не примечательного инженера одной из московских типографий.

– Так это же был Левушка Горский! – выпалила потрясенная Злата. Все обернулись к ней. – Ну, то есть Лев Моисеевич. Друг моих бабушки и дедушки. Он был главным инжене-

ром московской типографии и женат на очень красивой актрисе, которая его бросила, вышла замуж за энкавэдэшника, а Левушку отправили в лагерь. Как и ее саму, только позже. Только Левушка свою жену Верой называл, а она, оказывается, Вероника.

– Правильно, милая барышня. – Щапин почтительно склонил голову в полупоклоне. – Фамилия второго мужа Вероники была Горский. И все действительно происходило так, как вы только что рассказали. Когда Берковскую арестовали, то конфисковали шкатулку с драгоценностями. В ней же лежала опись. Так вот, в наличии оказались все бриллианты и прочие дорогие цацки, кроме кольца с рубином в россыпи бриллиантов и уникального кулона – крупного необработанного изумруда в платиновых завитках. Вот точь-в#точь такого, как на вашей груди, молодая леди. – Теперь уже он почтительно склонил голову в сторону Светки.

– Но это же не может быть изумруд в платине! – воскликнула она. – Это мне... пода-рили. Это агат в серебре.

– Я же и не утверждаю, что это тот же самый кулон, – пожал плечами Щапин. – Просто он очень на него похож, вот и все. Но если бы это был он, то на вашей милой шейке сейчас висело бы около пятидесяти тысяч долларов, не меньше.

Злата посмотрела на побледневшую Светку, непроизвольно закрывшую кулон ладон-ской. В голове у нее медленно всплывали картинки из детства. Вот она открывает шкатулку с потрескавшимся лаком и перебирает украшения, которые кажутся ей чудом ювелирного искусства. Вот бабушка со смехом треплет ее по голове и объясняет, что это дешевая бижу-терия, которую актриса надевала на сцену во время спектаклей. Она даже вспомнила острое чувство испытанного разочарования, что все это великолепие на самом деле не стоит лома-ного гроша.

– У Горских хранилась шкатулка, которую незадолго до ареста передала его первой семье Вероника Берковская, – медленно сказала она. – Вот только там не было никаких драгоценностей. Пластмассовые бусы, кольца со стекляшками. Хотя кулон, очень похожий на этот, я там видела. Он мне в детстве особенно нравился. Я им часто играла. Но бабушка говорила, что там нет ничего ценного, и Фрида Яковлевна, третья жена Левушки, всегда давала мне эту шкатулку играть. Вряд ли она доверила бы маленькой девочке настоящие драгоценности.

– Вы знаете, – оживился Щапин, – у Вероники действительно в театральной гримбор-ной стояла шкатулка с дешевым реквизитом. Так вот после ареста она пропала. То есть все драгоценности, кроме двух, были на месте, а вот стекляшек никто больше никогда не видел. Вы такие интересные вещи рассказываете, милая барышня! Они имеют огромное значение для истории. Вы не знаете, где сейчас эта шкатулка?

– Не знаю, – пожала плечами Злата, – после смерти Фриды Яковлевны квартира и все, что в ней было, достались сыну Левушки. Он, конечно, уже тоже в очень почтенном возрасте был. Вы же понимаете, что меня имущество Горских мало интересовало.

Она невольно отметила, с каким жадным интересом слушают ее Муромцев и его помощник Володя. И всегда красное, апоплексическое лицо депутата стало еще краснее, Володя же, наоборот, побледнел, на лбу у него выступила испарина, хотя в кондиционируе-мом помещении столовой было довольно прохладно. Впрочем, разговору о драгоценностях сосредоточенно внимали и Зимний, прекративший вещать о лещах и язях, и банкир Гриша, и даже Аржанов.

Склонившись к уху сидящей рядом Светки, она тихонько шепнула:

– А, правда, откуда у тебя этот кулон?

– Бывший любовник подарил, – так же тихо ответила Светка. – Ты его даже не видела, мы недолго встречались. Он совершенно не в моем вкусе был. Мрачный, неразговорчивый.

Одно и достоинство, что неженатый. Вот он и подарил. На Новый год. Ну не мог же он мне цацку за пятьдесят тысяч баксов подарить!

– Странно все это, – задумчиво сказала Злата. – Конечно, в шкатулку с бижутерией чисто теоретически могли и дорогие вещи затесаться. В конце концов, Берковская могла их специально спрятать среди реквизита, чтобы оставить Левушкиной семье что-то стоящее. Она же говорила, что извиняться пришла за то, что принесла им столько горя. Но все считали, что нет в этой шкатулке ничего ценного.

Она вдруг осеклась, вспомнив руки Фриды Яковлевны, проворно накрывающей на стол. Худые старческие руки в пигментных пятнах, и на одной из них большое, явно золотое кольцо – с крупным красным камнем в обрамлении более мелких белых, сверкающих в электрическом свете.

– Семен Михайлович! – воскликнула она, обращаясь к Щапину. – У жены Горского было такое кольцо, как вы описали. То есть, что кольцо ценное, они могли понять, поэтому она его носила, не снимая. А что камень в кулоне на самом деле необработанный изумруд, а завитки – не из серебра, а из платины, могли и не догадаться.

– Скорее всего, так и было, – подумав, ответил историк. – Весь вопрос, куда эти украшения девались потом и мог ли дорогой кулон попасть к вам, Светлана. Или это просто похожее украшение, не имеющее к Горским никакого отношения. На вашем месте я бы по возвращении отсюда сдал этот замечательный кулон в оценку, чтобы узнать правду.

– Я так и сделаю, – дрожащим голосом сказала Светка. На чем инцидент с кулоном был исчерпан.

– Через полчаса встречаемся перед входом, – объявил Аржанов. – Едем на охоту. Дамы, вас это тоже касается.

– Как? – перепуганно спросила Злата. – А если я не хочу?

– Глупо приехать на базу и не узнать, что такое охота, – ответил Аржанов, посмотрев на нее тяжелым взглядом. – На лабаз мы вас не погоним, по полям бродить не заставим. Посадим на одну из вышек, смею заверить, что они у нас вполне комфортные. С сетками от комаров и мягкими креслами. Посмотрите хоть на оленей и косуль. Не захотите стрелять, не будете.

– Не захотим! – в один голос воскликнули Злата и Светка. Мужчины засмеялись.

– Все. Идите переодеваться. Время пошло, – скомандовал Аржанов, и гости разом покинули столовую, чтобы разбрестись по своим комнатам.

На машину, на которой им предстояло ехать на охоту, Злата смотрела с опаской. Чудовищный монстр на шести колесах, каждое из которых было с нее ростом, не вызывал у Златы особого доверия.

«Это не может ездить», – думала она, судорожно обдумывая свои шансы улизнуть с предстоящего мероприятия.

Аржанов откинул задние двери блестящего белого фургона и подозвал Заварина:

– Константин, залезай, я девушкам снизу помогу, а ты их изнутри примешь.

Заварин кивнул и довольно лихо взобрался на немалую высоту. Грациозно опершись на локоть Аржанова, птицей взлетела в салон Светлана. Злата тоскливо мялась в стороне, пропустив вперед Парменова в фирменном охотничьем костюме, предназначенном не менее чем для кенийского сафари, Володю, сосредоточенно забросившего в фургон оружие, и залезшего в кабину рядом с водителем Щапина, из-за полноты действовавшего довольно неуклюже, но ничуть от этого не смутившегося. Рядом с ней так же тоскливо переминался с ноги на ногу банкир Гриша.

«Он же тоже в первый раз на охоте», – вспомнила Злата.

– Даже маленькая победа над собой делает человека сильнее. – Она вздрогнула от шепота незаметно подкравшегося Аржанова. – Давайте докажем, что Максим Горький был прав.

Независимо пожав плечами, Злата подошла к подножке фургона. Сильные руки подняли ее в воздух, и, не успев испугаться, она уже оказалась внутри, бережно принятая Зава-ринным. Светка гостеприимно похлопала рукой по мягкому дивану рядом с собой. Вслед за Златой в кабину залез несчастный Гриша, одним движением, без помощи рук, впрыгнул Аржанов, запер двери изнутри и сел на свободное место рядом со Златой. Она инстинктивно отодвинулась.

– А где остальные? – любопытствовала Светка.

– На второй машине поедут. Она сейчас подойдет и заберет Зимнего, Костромина, Муромцева и Аграфенина. Да, Санек?

Сидящий за рулем здоровенный детина в камуфляже, заметно вздрогнув, повернулся на голос хозяина и безучастно кивнул. Машина тронулась, переваливаясь огромными колесами.

– А кто такой Аграфенин? – Злата покосилась на банкира Гришу, фамилии которого не знала.

– Директор водочного завода, мой друг. – Аржанов отвечал с той же обстоятельностью, с которой делал, казалось, все. – Он только что приехал, и сразу на охоту. Антон – отличный мужик, я вас потом познакомлю.

– Ага, отличный, – с сомнением протянул Санек. – Вы уж, Александр Федорыч, держите его от меня подальше. А то как бы я ему все-таки морду не набил.

– Или он тебе, – сухо ответил Аржанов. – По сути, ты, Саня, конечно, был прав, что не дал ему без лицензии медведя подстрелить. Но по форме... Наши гости – для нас главное, равно как их удобство, комфорт и безопасность. Так что морду бить – все-таки не твой уровень компетенции.

– А разве в частных охотугодьях по лицензии охотятся? – спросил Григорий. – Я считал, что раз вы сами зверя разводите, то вас лицензии не касаются.

– Ну мало ли что вы считали, – хамовато ответил Санек, – сразу видно, что вы в охоте ни ухом ни рылом, как говорится.

– Саня, – грозно осек его Аржанов, – я, кажется, ясно по-русски выражаюсь. Рот закрой. – И, повернувшись к банкиру, пояснил: – На того зверя, которого мы разводим, лицензии, Григорий Филиппыч, действительно не нужны. Но медведь у нас дикий в лесах водится. Медведей мы не разводим, а потому лицензии на его отстрел покупаем у государства, все как положено. Аграфенин в том году приехал внезапно, уже все лицензии расписаны были по заявкам. Отправились они с Саньком в лес, а на них медведица вышла. Он попытался ружье достать, а Санек не дал, чтобы лицензию не тратить. Пока спорили, медведица ушла. Вот Аграфенин со злости и пустился врукопашную. Сцепились они с Саньком, хорошо – другие егеря недалеко были, растащили.

– Мужик он сильный, – с некоторым даже удовольствием признал Санек. – Если бы не парни, наваял бы он мне. Такую породу сейчас мало где делают. – Он обернулся из-за руля и довольно пренебрежительно оглядел собравшихся. Взгляд его остановился на Григории. – Вот вам бы, мужики, я бы всем с собой связываться не советовал. Сделал бы я вас одной левой. Пролетариев умственного труда. Сразу видно, что вы тяжелее ручки ничего в руках не держали, а Аграфенин хоть и бизнесмен, но мужик стопроцентный.

Даже в полумраке салона было видно, как сильно побледнел Григорий. Белое лицо разительно контрастировало с виднеющейся в вырезе охотничьей футболки загорелой шеей. Загар, мимолетно отметила Злата, был не северный, а густой, средиземноморский. Сама она в этом году могла о таком загаре только мечтать.

– Далеко нам ехать? – спросил Заварин, явно желая перевести разговор на другое.

– Минут десять, – ответил Аржанов. – Вас с девушками мы оставим на первой вышке. Там интересно и безопасно, а остальных отвезем на второе поле. Побродить с ружьями. Сегодня погода для охоты не очень. Ветра нет, так что кабан все запахи учует. Но хоть привыкнете немного, проведете, так сказать, рекогносцировку на местности. А уж завтра на настоящую охоту поедem. Без дам.

Злата облегченно вздохнула и покосилась на сидящую рядом бледную Светку.

«Чего это с ней? – удивленно подумала она. – Не трясет вроде. Да и не укачивает ее, в отличие от меня».

– Все в порядке? – тихонько шепнула она подруге. Та в ответ коротко кивнула, не разжимая рта.

– Вы не держите оружие на коленях, – сказал Санек сидящему рядом с ним в кабине Щапину. – Тут подставка под ружье есть. И закрепить можно, дулом вверх. Что ж вы как маленький? Будто первый раз. Учишь вас, учишь, все без толку...

Щапин начал суетливо закреплять ружье в подставке. Он даже запыхтел от усилий, и Санек, одной рукой крутя руль, другой помог ему справиться с оружием.

– Саня, чего ты сегодня вразнос пошел? У тебя просто «болдинская осень», – строго сказал Аржанов. – Ты уже сегодня на десять баллов штрафа натворил. Укороти язык, а? А то я всерьез рассержусь.

– Я знаете что вспомнил, – снова дипломатично вступил в разговор Заварин, – у меня случай был. Я вернулся с охоты на дачу. Поздно уже было, лег спать, а утром встал пораньше, чтобы ружье почистить и зачехлить, и выстрелил нечаянно в потолок. Жена прибежала, кричит: а если бы я в это время в туалете сидела, ты бы в меня попал! В общем, шуму было много.

– А оно и сейчас выстрелить может? – Злата с некоторой тревогой посмотрела на ружье Щапина, вставленное в гнездо в полу машины в полуметре от нее, а также на несколько зачехленных ружей на полу.

– Не может, – успокоил ее Аржанов. И явно чтобы отвлечь ее внимание от неприятного разговора и от хамоватого Санька, спросил: – Ну как вам, машина нравится?

– Это не машина, а монстр, – искренне ответила Злата.

– Почему же монстр? – обиделся Аржанов. – Аналогов этой машины ни в одной стране мира нет. Это наша российская марка – «Трэкол». И реку форсировать может, и вообще на пересеченной местности ей равных нет. Ее даже пограничники апробировали. А уж на охоте и рыбалке она вообще незаменима. У нас их две. И обе служат верой и правдой.

– Дорогие, наверное? – оживленно включился в разговор Щапин.

– В полной комплектации три миллиона, не так и дорого, – пожал плечами Аржанов.

Фыркающий монстр преодолел трое наглухо запертых ворот. Каждый раз Аржанов легко выпрыгивал из машины, отпирал и снова запирали ворота, без видимых усилий забираясь внутрь машины.

«Будет тут спортивная форма», – подумала Злата.

Минут через десять остановились у кромки очередного поля.

– Подождите, я быстро, – бросил Аржанов. – Константин и вы, девушки, вылезайте. Санек, пособи.

Выпрыгнув из машины, он опустил подножку, помог выйти и вынуть оружие Заварину, снял за талию Злату. Объятия у него были железные. Надежные такие объятия.

«Прекрати, дура! – рассердилась на себя Злата. – Ты же знаешь, какой он на самом деле. Плачущая беременная Ирина тому подтверждение».

Светке помог вылезти из машины Санек. Подруга была явно напряжена. И, оказавшись на земле, быстро отскочила в сторону.

«Ну конечно, ей тоже этот грубый хам не нравится, – подумала Злата. – Надо же, какой тип неприятный!»

Справа от дороги стояла деревянная будка, возвышающаяся над землей метра на два-три. Широкая лестница с перилами вела внутрь. Плечистый Санек бодро тащил по этой лестнице непонятную коробку. Аржанов протянул Заварину рацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.